

25 Avril 1936 — IX Année

LES COSAQUES LIBRES

197

25 АПРЕЛЯ 1936 г. — 25 КВІТНЯ 1936 г.

ПАРИЖ — PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й — РІК ВИДАННЯ 9-ий

Содержание:

1. † **Иван Назаров:** ***
2. **И. К. Скубани:** Умер поэт.
3. **Константин Поляков:** Я сегодня на кладбище был.
4. **Николай Лапкин:** ***
5. **Сергей Чепурной:** Забытая песня.
6. **И. Билый:** Новая тактика Сталина в казачьем вопросе — очередной обман Казачества?
7. Трагедия Казачества.
8. Пам'яти К. Л. Бардіжа і його синів.
9. **Чужинец:** Пугачев и Яицкое казачество.
10. **И. Главнев:** Пора казачьим патриотам собираться в одном казачьем лагере.
11. Казачья эмиграция.

ВАЖНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Еще раз предупреждаю, что, особенно в последнее время, не все письма доходят ко мне. Поэтому особо важные письма следует посылать только заказными.

И. БИЛЫЙ.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ.

Редакция «ВК» организует бесплатную юридическую помощь (консультацию) для вольных казаков.

КО ВСЕМ КАЗАКАМ.

По инициативе вольных казаков решено поставить хотя скромный памятник герою восстания донских казаков в 1918 году, первому взявшему Новочеркасск, умершему 16 сентября 1934 года здесь, заграницей, генералу **М. А. Фетисову.**

С этой целью в городе Сансе образована особая комиссия, в задачу которой входит собрать нужные средства, купить необходимое место на кладбище, перенести туда прах покойного и поставить самый памятник.

В состав комиссии вошли: председателем — **А. А. Ченцов** (казак ст. Андреевской), казначеем — **А. П. Киреев** (ст. Нижне-Курмоярской), членами — **П. А. Текучов** (ст. Верхне-Курмоярской) и **И. А. Ченцов** (ст. Андреевской).

Все казаки приглашаются внести хоть небольшую лепту на сооружение памятника донскому герою, казаку ген. М. А. Фетисову.

Пожертвования направлять по адресу казначея комиссии А. П. Киреева:

M. A. Kireeff, 16, *rue Beaurepaire, Sens* (*Yonne*), *France.*

УКРАИНСКАЯ ХАТА В ПАРИЖЕ

В ресторане «Украинской Хаты» можно вкусно пообедать и поужинать за очень дешевую цену: от 2-х франков.

Кухня украинская и французская.

При ресторане имеется читальня — много украинских и казачьих газет и журналов.

ГОЛОС РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА О ФРАНЦИИ И О РОССИИ

«Франция имеет то преимущество перед советской Россией, что в ней среди развращенности и продажности все-таки может быть услышано и свободное слово. Во Франции есть свобода.... В России же есть рабство и тирания, связанные с очень старыми традициями русской государственной власти»... (Николай Бердяев. «Новая Россия», № 3).

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: **инж. И. А. Билый**

Редакция и администрация: **10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)**

№ 197 *Суббота 25 апреля 1936. — Субота 25 квітня 1936.* № 197

† Иван Назаров

* * *

Уж кружится черный
Ворон надо мною;
С каждым днем все ниже
Стелется печаль.
Черные терзанья,
Тяжкие утраты!
Личное — пустое —
Ничего не жаль.
Жаль лишь, что за морем,
В непроглядном море
Ужаса и злобы,
Гибнет мой народ!
Жаль, что с ним не там я,
Не несу страданий
Тех же за бесправье,
За террор и гнет.
Жаль, что там бессилен
Я поднять дерзанья,
Бросить пламя бунта
В боль души родной
И позвать, лишенных
Светоча надежды,
На безумно дерзкий
И последний бой.
Жаль, что там в кладбище,
Меж могил родимых
Мне могила рядом
В нем не суждена,
А в глухой чужбине
Меж чужого люда,
Плакать об отчизне
Будет тут одна....

И. К. Скубани.

Умер поэт

Мой запоздалый венок на свежую могилу И. М. Назарова.

Умер в Кральево любимец казачий.
Умер... А мог еще жить, —
Чашу житейской нужды-неудачи
Сил не хватило допить.

Выплеснув горе, что пенилось в чаше,
Гневно ее он разбил —
Все эти годы изгнанья не краше
Холода мрачных могил.

С шумом и свистом на острые камни
Искрами брызнул хрусталь, —
Кончено все и глашатай недавний
Сжал револьверную сталь.

Выстрелы... Пули вонзились, как осы.
Стон... И свалился поэт...
Все не решенные жизни вопросы
Вмиг разрешил пистолет.

Речь, что порою за сердце хватала,
Стих, что был страшен и горд —
Сразу замолкли. Поэта не стало,
Дивный нарушен аккорд...

Брат мой, ушедший, не выдержав срока,
Слышишь мучительный стон?
Что ж, не поешь ты, с любовью глубокой
Песню про Тихий свой Дон?

Часто она между нами носилась —
Ею ты грусть отгонял....
С песнею в душу казачью просилась
Вера в святой Идеал....

Но оборвались зовущие звуки
Лиры волшебной твоей...
Шепчет казак, замирая от муки:
«Нету питомца степей!»..

Спи же, носивший Казакии знамя —
Вечная слава тебе!
Слово твое, будто яркое пламя,
Путь нам осветит в борьбе.

Спи, наш родимый, — лишь Вечность нетленна, —
Всем нам единый конец....
Тише!.. Преклоним с молитвой колена —
Умер казачий поэт!..

Константин Поляков.

Я сегодня на кладбище был

Памяти ген. Т. М. Старикова.

Я сегодня на кладбище был
Среди низких и грустных могил.
На одной из них надпись читал,
Что лежит в ней казак генерал.
Я на миг позабыл обо всем
И не помнил в тот час и о том,
Что стою я в чужом мне краю,
Где призывы к свободе пою...
Там я, в дальних родимых краях,
Вижу лавы на стройных конях...
И из пыли в пыли все летят,
Словно птицы над степью парят.
Под копытами коней их — гул.
Будто ветер стихийный подул.
Впереди их лихой генерал...
. . . . . .
Не сразил его пулею враг,
Когда грудью он стель защищал.
На чужбине... последний был шаг,
Где, склоняясь над грудой бумаг,
Он казачью правду искал....
. . . . . .
Я над тишью родимых могил
Даже юным слезу не ронил.
Бог мне радости этой не дал,
Чтобы боль я в слезах потоплял.
Потому мое сердце — гранит —
Так безумно порою болит....
. . . . . .
Не один я домой выходил
Из кладбищенских мрачных ворот.
Друг мой верный, мой стих, со мною был
И в лесу этой жизни забот
Он словами меня проводил:
Я сегодня на кладбище был
Среди тихих и грустных могил...

Николай Лапкин.

* * *

Вечер. Прихотливые
Тени поползли.
Думы сиротливые
Все вокруг сплели.
Зорькой заалевшейся
Нарядился свод,
Месяц народившийся
По небу плывет.
И дорожкой снежною,
Под саней шумок,
Мчусь ширью безбрежною
В ближний хуторк...
Лишь вдали виднеется
Два-три огонька....
А со тьмою стелется
Сладкая тоска...
Чья-то песнь раздольная
Трогает меня...
Ты-ль это — привольная —
Казаков земля?...

Сергей Чепурной.

Забытая песня

Мне почудились вновь звуки песни забытой —
Еле слышно неслись над станицей уснувшей,
Над рекой, пеленою тумана покрытой,
И над степью, во мраке вечернем тонувшей.

И, скрываясь за черным курганом, безмолвным
Сердце рвущим рыданьем тоскливым,
Угасали, сплетаясь аккордом тревожным,
Безнадежным, таким сиротливым...

Я не помню слов песни, как кажется грустных,
Но я знаю — поется о доле разбитой,
О спустившихся сумерках длинных и скучных,
Неудавшейся жизни, так скоро прожитой...

Эти звуки родные... Как мне от них больно!
Отворилась опять дверь моих вспоминаний.
Убаюканный ими, несусь я безвольно
В мир, ушедший из мира проклятых страданий.

И плывут чередой моей юности краткой
Безвозвратные дни чуть виднеющей лентой,
Дни невинных мечтаний, беспечности сладкой
Клятв ненужных, но страстных в любви безответной.

Бессознательных ранних, но жадных стремлений
В незнакомые дали, манящие светом....
Но кончается лента красивых видений,
Не кончается-ль все в моей жизни на этом!?

Утихайте-ж скорей звуки песни забытой!
Не дадите мне счастья ценой никакою,
Так не трогайте струн моей лиры разбитой —
Вам ответит она только грустью, тоскою...

И. Билый.

Новая тактика Сталина в казачьем вопросе — очередный обман Казачества?

(Доклад, прочитанный 18 апреля в открытом собрании Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы).

Один английский журналист сообщал недавно из Москвы свои впечатления от «настоящей революции в повседневной жизни советских граждан», которая произошла за последние два года. «О гонениях на «буржуев» все забыли и каждый советский гражданин сам стремится скорее стать буржуем. Многочисленные кафе, которых почти не было два года назад, переполнены народом. Много публики в магазинах и дансингах. — Даже в рабочих кварталах кафе вырастают, как грибы. Джазы играют в отелях, в театрах, ресторанах, пивных. Во многие рестораны не пускают публику без воротничков и галстуков. Спрос на учителей танцев таков, что наркомпрос вынужден открыть специальную школу. Преподавание модных танцев стало очень выгодной профессией»....

Словом, жизнь меняется. Эту перемену — вернее — перемены, благословил сам Сталин еще в прошлом году: «Жить стало легче, жить стало веселее»..

Но — жить стало легче, жить стало веселее — только в Москве, в сердце Советской России. В казачьих станицах нет ни кафе, ни магазинов, ни дансингов, ни отелей, ни театров, ни ресторанов.., там не играют джазы, там нет школ танцев, там нет воротничков, ни галстуков.... **В казачьих станицах должны работать, чтобы в Москве могли веселиться. Казачьи станицы должны дать двойной убожай, чтобы в Москве жить было легче.** — Таков удел всех покоренных народов, удел — работать на своих поработителей. **Чтобы некоторые «великие» народы могли жить богато, некоторые «малые» народы должны на них работать вдвойне.**

Разными способами победители заставляют побежденных работать на себя: иногда угрозами и террором, иногда лестью и обманом. — Большевицкий террор на Казачьих Землях потерпел крах: казаки, действительно, умирали, но не сдавались. Сейчас оккупанты меняют тактику — начинают ухаживать.

В Москве хотят легче и веселее жить — для этого казаки должны дать двойной урожай. Кремль начинает бояться за целость своего царства — казаки нужны будут на советских границах.... В большевицких городах появились «предвоенные» настроения, — в казачьих станицах заговорили о казачьих дивизиях...

Впрочем, о военных возможностях говорят не только там. Войны ждут русские эмигранты и здесь. Ждут и.., одни боятся за целость единой-неделимой и создают «оборонческие фронты» в помощь большевикам, а другие строят свои разные планы и рассчеты и — **ищут казаков.**

Уже в предыдущем своем докладе — 1-го марта — я говорил **об усилении интереса к казакам у русских там и здесь** и о причинах этого интереса. Главнейшая из них — **боязнь внешней войны.**

Не только создание «оборонных» фронтов и ухаживанье за казаками здесь, но и перемену тактики Сталина по отношению к казакам там, равно как и многое иное, что делается сейчас там, в Советской России, можно правильно понять, лишь учитывая современную международную обстановку и международную ситуацию СССР. То, что делается там, надо всегда и прежде всего рассматривать на фоне международной ситуации СССР.

Польская пресса, в силу своего географическаго положения, много знающая, но не заинтересованная в том, чтобы скрывать от своих читателей правду о внутренней и внешней ситуации СССР., характеризует эту ситуацию так:

Ситуация СССР внешняя и внутренняя — политическая и экономическая — вообще все время бывшая не такой блестящей, сейчас может быть характеризована — как критическая. С одной стороны: падение советского «планового начала», «ударничества», «стахановщины», усиление налогового пресса, шаткое состояние финансов и непрекращающаяся борьба коллективизма с собственническими инстинктами более культурных, но порабощенных сейчас Москвою народов. С другой — идеологический крах, выведение на чистую воду работы коминтерна, сумерки социалистических иллюзий, **рост национальных настроений среди народов СССР** *) и — страшный для СССР факт существования на Западе двух «фашистских» государств.

Наибольшей все же опасностью для СССР пресса та считает **перспективу окончательного распада** с такими усилиями собранной и так тяжело удерживаемой «неделимой», тем более, что **процесс распада** — вопреки противодействию и скрыванию — **продолжается все время.** Вот почему каждая возможность консолидации внутри Европы, особенно примирение Германии и Франции, так страшит вождей советского царства, боящихся, что **мир в Европе создаст условия, при которых разложение и распад СССР пойдут неудержимо ускоренным темпом.**

Казачество в СССР занимает особое положение — особое тем, что... **не занимает никакого положения.** Казачеству мстили за борьбу 1917-1920 годов. Его уничтожали всеми способами. Все средства были дозволены и разрешены для его «ликвидации».

Почти все народы Советского Союза получили — пусть фиктивные, — но все — советские, социалистические республики или автономные области, сыгравшие и играющие свою долю роли в пробуждении национального самосознания народа — помимо воли авторов и распорядителей судьбами тех республик. — **Не получили ничего только казаки.** Больше того, **само имя их должно было перестать существовать.**

Но, само **Казачество с победителями не помирилось и головы своей перед оккупантами не склонило** Шестнадцать лет идет там непрестанная борьба — то глухая, то открытая. Меняют свою тактику казаки, меняют ее и большевики. Борьба продолжается.

Недавно мы читали в журнале «ВК» о казачьих настроениях 1929-1930 годов — времени «коллективизации». То было свидетельство врага. Тот же враг рассказал нам о сопротивлении Казачества оккупантам в 1932-ом году, окрещенном ими «кулацким саботежем». На этот «саботаж» Москва ответила организацией в Казачьих Землях страшного голода...

По признанию самих оккупантов, казаки вели свой «саботаж» 1932-го года под флагом **«местного национализма», «кулацкой самостийности»** и **«идеологии буржуазного национализма и шовинистической самостийности»** (см. «Молот» от 22-го декабря 1932-го года и журнал «ВК» от 25-го февраля 1933-го года № 123).

В ноябре прошлого года оккупанты хвалились, что они сломили сопротивление Казачества. — Несомненно, что террором, ссылками и высылками, голодом и грабительской политикой хозяйственной они нанесли Казачеству сильный удар, весьма ослабили его и разорили основательно экономически, но сломили ли волю казачью — ответ на этот вопрос даст только будущее... Но мы и теперь уже знаем, как еще недавно боролись казаки там с новыми пришельцами —

*) Подчеркнуто нами. **Ред. «ВК».**

колонизаторами из России, как били их, как не давали им инвентаря....

А теперь, как увидим ниже, сами **оккупанты вынуждены менять тактику в казачьем вопросе... Сами оккупанты ухаживают сейчас за казаками и даже комплименты говорят...**

Зачем ухаживают — мы уже знаем: над СССР нависает внешняя опасность. Сейчас посмотрим, — как ухаживают, что и чего хотят еще от казаков там, что подсовывают в казачью душу, чему учат, что там дозволено сейчас и что запрещено, что можно и чего нельзя там делать.

О сути новых «событий» там сказано уже немного в 194-ом номере журнала «ВК». Сейчас остановимся на этой сути несколько подробнее, но раньше познакомимся с некоторыми «мелочами».

10-го марта в парижском «Возрождении» напечатано, без указания источника, сообщение о том, что в Кремле «Сталин принял официальную делегацию казаков Дона, Кубани и Терека и заявил им о восстановлении казачьих вольностей и традиций».... — Сообщения этого я проверить не мог, так как подтверждения его в советской прессе не встречал. Если даже такое собщение и было, то остается все же неясным самое важное — что именно нужно разуметь в данном случае под казачьими вольностями и традициями.

Зато подтвердилось такое сообщение «П. Н.» (см. номер от 13-го марта): «В связи с пересмотром положения в Казачьих Областях относительно военной служы казаков, Советы несколько изменили прежнее наименование Казакской (Киргизской) республики: последняя именуется теперь Казахской, представителей этой республики стали называть «казахи», а «Казакстан» теперь пишется «Казахстан». — Очевидно, **казаки отстояли свое имя и там...**

Еще раньше рождения движения «ворошиловских кавалеристов» был решен вопрос о **казачьей песне** — появились **первые казачьи хоры.**

28-го февраля ростовский «Молот» сообщил нечто более важное: Исполнительный комитет Северо-Донского округа в Миллерово создает из лучших певцов — казаков и казачек — государственный **казачий хор** в составе 60-ти человек. — Увидим позже, что из этого выйдет, так как у большевиков далеко не все доводится до успешного конца из того, что начинается.

Перед тем, 8-го февраля, московская «Правда» писала, что, по инициативе секретаря Северо-Кавказского краёвого комитета партии, оргнизуется казачий ансамбль песни и пляски на Тереке. Основной состав хора комплектуется из **Терских казаков.** В хор, кроме того, войдут национальные ансамбли Кабардино-Балкарии, северной Осетии и др. национальных округов. Всего сводный хор будет насчитывать 1100 человек. — Осуществлен ли этот проект, не знаю, но проект — градиозен, как и все неисполненные большевицкие проекты.

28-го марта «М.» сообщает о выступлении казачьего хора в Ростове: «27 марта **хор донских казаков Базковского района**, участник всесоюзного радиофестиваля, выступил на Ростсельмаше. Рабочие кузнечно-прессового цеха **горячо встретили колхозных казаков** *). Восторженными рукоплесканиями рабочие ответили на песню «Послала меня мать за белою глиною».

А дальше — общая радость и веселие: «В замечательную **демонстрацию единства** вылилась встреча казаков с рабочими комбайнового цеха. После первых песен как-то стихийно пустились в танец стахановцы, увлекая за собою гостей. Появилась гармоника, аккомпанируя веселым песням»...

На следующий день тот же «М.» пишет, что в станице Вешенской состоялась вторая районная олимпиада музыкальной самодеятельности колхозников. Олимпиада показала значительные успехи самодеятельных кружков, особенно после возвращения казаков-песенников из Москвы.

*) Подчеркнуто везде нами. **Ред. «ВК».**

Не менее интересно сообщение «М.» 12-го марта о звуковом фильме «Советские казаки»: в станицу Уманскую (переименована оккупантами в «Ленинградскую») прибыла с'емочная группа «Союзкинохроники», которая заснимет отдельные эпизоды для звукового кинофильма «Советские казаки». — Каков будет этот фильм, мы можем себе представить, если вспомним, что в начале 1933-го года станица Уманская подверглась основательному разгрому и выселению после «саботажа» 1932-го года....

Заслуживает быть отмеченным сообщение «Правды» (10-го марта) о том, что в донских станицах и хуторах, «в связи с новыми обстоятельствами», поднялся **спор относительно пригодности пик** — старого кавалерийского оружия — в условиях теперешней войны.

Новостью звучит собщение «Известий» 5-го марта: На хутор Гусев, Донского округа, вернулось с Дальнего Востока два казака. Хутор встречал их **по старинному обычаю:** с казачьей песней, салютуя выстрелами из охотничьих ружей, вышли казаки за околицу с фонарями в руках. Только бабки и деды обоих, **по казачьему обычаю,** встречали внуков на крылечках своих хат.

Восстанавливается донская форма. 7-го марта «Правда» описывает приезд в Москву донских казаков и казачек для просмотра оперы «Тихий Дон». На казаках — синие суконные, до колен, сюртуки или короткие ватные мундиры, синие суконные шаровары с красными лампасами, синие картузы с красным околышем и красным кантом. Из-под лихо надетых картузов выбиваются чубы. На картузах — пятиконечные красные звезды.

Возбуждаемые сверху казенные «патриотические чувства» не проходят и мимо казачек. На страницах советских газет попадаются «письма казачек — товарищу Сталину» с выражением восхищения, преданности и прочих полагающихся в таких случаях излияний.

Появились и ответные «грамоты» Сталина....

Как курьез, следует отметить помещенную в «Молоте» 4-го марта фотографию старого письма Сталина (от 18-го августа 1925 года) казакам Горячеводской станицы Терского Войска: «Примите братскую благодарность за оказанное вами доверие. Клянусь служить верой и правдой рабочему классу и всем трудящимся нашей великой страны».... — Словом, все — в порядке...

Заинтересовались большевики **казачьими песнями и преданиями.** Появились статьи, посвященные «расцвету народного творчества»... В одной из них («Молот» от 29-го марта) читаем: **«Донские казачьи песни по праву считаются одними из лучших произведений устного народного творчества»...**

Особенно берут под свою защиту товарищи Разина и Пугачева. — «В казачьих песнях и легендах о Разине и Пугачеве ярко отображены настроения трудящихся казаков того времени», пишет т. Лунин в «М.» 29-го марта. — «Какую огромную роль в воспитании молодежи сыграют эти подлинно народные песни, которые до революции были в запрете. Как ярко отображают они жизнь и борьбу вольного казачества, давшего истории героев крестьянской революции — Разина и Пугачева»...

По словам советских газет, «новые настроения» среди казаков перекинулись и к Оренбуржцам. — «Движение казачества на Дону, Кубани и Тереке вызвало **оживленные отклики среди оренбуржцев.** В Оренбург на городскую партийную конференцию явились делегаты из станиц, Нежинской, Кердыбедуровской, Нижне-Павловской и высказали, что оренбургские казаки, по примеру донцов, кубанцев и терцев, готовы **«грудью защищать советскую родину.** Наши кони в порядке, наши шашки остры, наши пули метки» («П. Н» 10-го марта).

В конце марта в «Правде» было помещено очередное письмо оренбургских казаков к Сталину — все на ту же тему: «Если ударит решающий час и голос правительства, голос любимого вождя призовет

нас **стать на защиту родины,** мы все, как один человек, оседлаем наших лихих колхозных коней и, не жалея жизни, будем драться за свою великую социалистическую родину, безпощадно будем рубить головы врагу»....

Где и когда надо искать начало изменений в отношении к казакам Москвы и Ростова и суть новых рассчетов их на Казачество?

Несомненно, что таким рубежом в перемене тактики оккупантов по отношению к казакам является ноябрьская (1935 г.) речь т. Шеболдаева (см. 190 и 191-й номера «ВК»). Она именно положила начало «новому курсу» большевиков на Казачьих Землях. — Другой вопрос — кому именно принадлежит инициатива в данном вопросе — местным ли большевикам или московским? — Независимо от того, кому принадлежит инициатива, ясно, что без предварительного согласия Кремля вопрос этот на месте стать не мог..

Весьма вероятно, что во всем этом деле, прямо или не прямо, некоторую роль сыграл и писатель М. Шолохов.

Как известно, один сов. композитор (по фамилии Дзержинский) написал оперу «Тихий Дон», либретто (словесный текст) которой взял из первого тома романа М. Шолохова «Тихий Дон». Перед постановкой этой оперы в московском театре, администрация театра (а может быть и другой кто) решила сама посмотреть и показать артистам и музыкантам оперы живых донских казаков. (Думаю, что такое решение было принято не без вмешательства живущего в станице Вешенской М. Шолохова).

Так или иначе, но в начале декабря прошлого года в Москву приезжали «колхозные казаки» Вешенской станицы (33 мужчины и 5 женщин) лучшие песенники и плясуны. Там, в московском театре перед московскими артистами, они «пели свои старинные боевые, застольные, игровые песни, плясали — мужчины, женщины, а потм вместе общие свадебные танцы» (отчет об этом напечатан в «Молоте» только через три месяца — 28-го февраля с. г.). — «Десять дней, проведенных колхозными казаками в красной столице, пишет «М.», превратились для них в незабываемый эпизод их жизни. Чего только они не увидали, где только не побывали за эти дни! Их снимали для звукового кино. Их песни были записаны для граммофонных пластинок. Радиостанция имени Коминтерна передавала их выступления на весь мир. Художники рисовали гостей, фотографы снимали группы и каждого в отдельности».. Но замечательнее всего, что они даже «катались на метро», и в театре видели, хотя и издали, самого Сталина....

Уезжая из Москвы, «колхозные казаки» оставили на память москвичам свои такие записи о том, что делается на Дону: «А живем мы, товарищи, не плохо. Сытно едим, обуты, одеты, да и на праздничный день кое-что имеем.... Всего у нас вдоволь и от этого довольства наша жизнь стала веселей, красивей и лучше»..

Так состоялась первая «музыкально-плясовая» манифестация «колхозных казаков» и московских артистов.

В начале марта с. г. в Москву ездила группа донцов уже на само представление оперы «Тихий Дон». На этот раз дело не ограничилось одним «искусством». «Колхозные казаки» посетили и «маршала» Буденного, которому рассказали, «какая замечательная жизнь наступила в колхозах Дона, как борятся казаки за высокий урожай, как выращивают они на колхозных фермах прекрасных донских лошадей. Молодое казачество воспитывается теперь в клубах «ворошиловских кавалеристов», чтобы безупречно **владеть оружием и по первому призыву партии и правительства дать отпор врагу».**. («Соц. Земледелие» 11-го марта).

В ответ, т. Буденный, призывая казаков к обороноспособности, особо отметил «важность воспитания донской лошади: казацкая молодежь должна любить лошадь и лелеять ее. Буденный подчеркнул прекрасное начинание — организацию клубов «ворошиловских кавалеристов», где колхозная молодежь обучается кавалерийскому искусству». И, конечно, Буденый «выразил уверенность, что казаки не остановятся на первых успехах, будут крепить колхозы и, в случае необходимости, **грудью выступят на защиту советской родины»...**

О вызове в Москву в конце февраля казаков на с'езд животноводов и о манифестационном их там выступлении перед лицом самого Сталина мы говорили уже в номере 194-ом «ВК».

Небольшая деталь: колхозные животноводы были в Москве — кто в чем попало, но ехавшие туда всего через пять-шесть дней на представление «Тихиго Дона» вешенцы ехали уже в форме — в фуражках и в лампасах.... — так стремительно шли перемены.

Казаки-животноводы получили, конечно, в Москве награды — ордена. И уж если «чествовали» их в Москве, то должны были чествовать и по возвращении — в Ростове. И действительно — чествовали: встречали на вокзале и речи говорили. Говорили казаки, говорило и начальство.

Речи все те же: «Если понадобится, **мы сядем на выращенных нами прекрасных донских скакунов и пойдем на фронт защищать свою дорогую советскую родину»**... («М.» 3-го марта).

На второй день вернувшихся «орденоносцев» принимали: председатель Краевого Исп. Комитета Советов т. Ларин (донской казак) и секретарь Крайкома т. Шеболдаев. Отчет о приеме и фотография помещены в «М.» 4-го марта под большим общим заголовком: **«Советский казак — патриот своей родины»**

«Шеболдаев и Ларин в беседе интересовались вопросами выращивания донских лошадей, развития животноводства, особенно овцеводства.... — Где служить хотите в армии? — спрашивали они молодых казаков. — В кавалерии, — последовал единодушный ответ».

«Ларин, заканчивая беседу, подчеркнул, что на совещании передовиков животноводства т. Сталин, руководители партии и правительства уделили **особое внимание делегации донских казаков-колхозников. Казачество стало советским** Ни у кого нет сомнений, в том, что если понадобится, **казаки будут беззаветно драться за Советы** (Будут ли? **И. Б.**)... В крае началось движение за организацию клубов ворошиловских кавалеристов. Нужно всячески поддерживать это движение, развивать его. **Старые казаки должны помочь молодежи выучиться хорошо управлять конем, владеть шашкой»...**

Возвращаясь к словам Ларина на другой день, «М » добавляет:

«Красный Дон должен дать стране замечательных ворошиловских кавалеристов, которые в любую минуту стали бы **на защиту советской родины. — Казаку надо обзаводиться шашкой.** Плох будет тот ворошиловский кавалерист, который, умея хорошо ездить на коне, не умеет рубить шашкой. Воспитаем сотни прекрасных кавалеристов, **готовых в любую минуту дать решительный отпор врагу»..**

Заслуживает быть отмеченным и такое заявление т. Шеболдаева вернувшимся из Москвы казакам: **«Надо, чтобы у всех донцов форма была — и у казаков, и у иногородних»...**

Еще одна деталь. Что на репетиции и на представлении оперы «Тихий Дон» были только донцы, это понятно — опера, так сказать, донская. Но кубанцев не было и на с'езде животноводов. Чем это об'яснить?

Припомним, что о казаках спохватились на самом с'езде и вызвали ближайших — из верхних донских округов. И то едва успели, пользуясь аэропланами, попасть на последнее заседание. Кубанцы — дальше: они даже и при помощи аэропланов не успели бы... Но весьма вероятно и другое предположение, что их и не думали туда приглашать — ведь главными организаторами «саботажа» 1932 года были кубанцы, и большевики, конечно, этого еще не забыли....

Самым большим событием тамошних дней был,

конечно, **«праздник советского казачества»** в Ростове 14-15-16-17 марта. Верхние донские округа, кубанцы и терцы выслали на праздник по одной сотне «ворошиловских кавалеристов». В терской сотне, кроме казаков, были горцы, а с кубанцами ходили в Ростов также и черкесы. Каждый был в своей форме: **донцы в фуражках и лампасах, а кубанцы в черкесках при кинжалах и шашках.**

«Праздник советского казачества» был кульминационным пунктом «новых разговоров» о Казачестве....

4-го марта «Молот» сообщил, что «решение об организации межкраевой встречи казаков вызвало в районах **большое воодушевление и под'ем массово-оборонной работы»... Эти мотивы об обороне красной нитью проходят и через весь «праздник».**

Подробно и регулярно описывал «М.» движение казачьих сотен к Ростову. Не раз подчеркивались заявления участников пробега вроде таких: «Быть готовым к обороне —первый долг колхозников»...

При чтении таких «уверений» невольно создается впечатление, что **«колхозные казаки» хватаются за новую возможность вырваться из колхозных казарм...**

Устроители празднества всячески старались и о том, чтобы подчеркнуть **дружбу «советских казаков»** с рабочими, особенно донцов с шахтерами. Везде устраивалось соответствующее «братание»... Говорилось о «единой советской семье»....

10-го марта была окончательно утверждена программа торжеств: 14-го марта, в 4 часа дня, **вход донской и кубанской сотен в Ростов.** Запоздавшие **терцы и горцы войдут на следующий день. Все сотни встречаются еще за городом и проходят через... триумфальные арки.**

Вечером 15-го марта — **торжественное заседание** Ростовского горсовета с участием гостей казаков, представителей горских народов и стахановцев Ростова. После заседания — спектакль. — 16-го марта, в 11 часов утра, на ипподроме — **большие конно-спортивные состязания,** в которых, помимо прибывших казаков, примет участие и эскадрон Новочеркасских кавалерийских курсов усовершенствования командного состава. В программе соревнований — джигитовка, фигурная езда, рубка лозы, вольтижировка и т. д. — В 4 часа дня — **большой парад,** в котором, кроме сводного казачьего полка примут участие: 10 тысяч осоавиохимовцев, кавалерийская школа Осоавиохима и сводная колонна студентов (Парад состоялся только 17 марта).

На праздник советского казачества приехал даже Буденный.

Одна советская газета («Соц. Землед.») так описывает день 15 марта в Ростове:

«С раннего утра шумит Ростов в ожидании славных конников с Дона, Кубани и Адыгеи. — Солнечный весенний день. Улицы утопают в алых знаменах. Весь город украсился гирляндами цветов. В каждой витрине портреты т. Сталина, руководителей партии и правительства, лозунги, приветствующие... **советское казачество. — Далеко за пределами города** — на Ново-Черкасском шоссе, **у красных арок — тепло встречали пролетарии Ростова казацкие сотни.** — Навстречу выехали командарм 2-го ранга командующий войсками Северо-Кавказского военного округа оренбургский казак Каширин, представители краевых организаций, знатные люди города и многочисленные делегации предприятий. — **В сопровождении почетных эскортов** донцы, кубанцы и джигиты Адыгеи вступают в Ростов. По обе стороны площади Ленина, вдоль улицы Фридриха Энгельса сплошной стеной выстроились колонны ростсельмашцев, рабочих табачной фабрики и других предприятий города, студентов и школьников. Балконы и крыши домов усеяны встречающими. На трибуне: руководитель большевиков края — секретарь крайкома Шеболдаев, донской казак — председатель крайисполкома Ларин, Каширин и другие. — Под звуки кавалерийского марша подымается на трибуну командир кубанской сотни Бутько. Он рапортует Каширину об успешном переходе. Подходят **донцы в синей форме, в фуражках с яркими околышами и красными лампасами на шароварах.** Развернутым фронтом кубанцы, донцы и джигиты Адыгеи выстраиваются перед трибуной. Начинается митинг. — Советское казачество приветствует председатель горсовета Овчинников, стахановцы Ростсельмаша и табачной фабрики. С ответной речью выступает донской казак станицы Ермаковской Землелов: — Я чрезвычайно рад встрече с кубанцами и пролетариями Ростова. Спасибо партии, спасибо т. Сталину за счастливую колхозную жизнь. — Раздается команда: — Сводный полк советского казачества, справа по четыре, марш... — Под звуки буденовского марша двигаются стройные ряды казачьих сотен»...

Торжества затянулись. Нет возможности передать полное описание трех дней — 15, 16 и 17-го марта. Ограничусь только существом дела.

А суть дела все та же. Повторил ее еще раз Буденный и напечатано это напервом месте (вместо передовой) в «Молоте» 15-го марта под весьма «лестным» заголовком: **«Несокрушимая опора социализма».**

Раньше цари хотели, чтобы казаки были опорой трона. Теперь там от них хотят, чтобы они стали опорой социализма.... Хотят и требуют, а чего требуют, о том пишет Буденный, весьма коротко: «Нужно научиться **брать от наших прекрасных земель.. такие урожаи, которых не знает мир.** Нужно изо дня в день **крепить оборону нашей страны,** чтобы быть готовыми в любой момент, по первому зову партии и правительства, выступить **на защиту советских границ,** которы «священы и неприкосновенны и **политы рабоче-крестьянской кровью».** Нужно всячески развивать коневодство, заботливо выпестовывая верного друга и помощника казака — коня».

То же самое говорит и командующий военным округом Каширин в том же номере «Молота»: «Мы должны собрать **удвоенный против прошлого года урожай..** Нам нужно решительно двинуть вперед все отрасли животноводства и, особенно, коневодческое дело... Нам неустанно **нужно овладевать техникой боевого кавалерийского дела, воспитывать в советском казачестве лучшие казачьи черты — организованность, железную дисциплину, отвагу и упорство,** направляя их на разрешение всех стоящих перед нами задач, **добиваясь превращения всего казачьего населения в могучий резерв рабоче-крестьянской Красной армии»...**

Приветствуя «советских казаков Дона, Кубани и Терека», русский писатель, подписавшийся **«казак** Нижне-Курмоярской станицы А. Серафимович» пишет и желает («М.» 15-го марта): «Казачья лава, казачьи винтовки и шашки с несказанной силой обрушатся на головы империалистов, которые осмелятся поднять руку на Социалистический Советский Союз»...

О том же говорит (там же) «советский казак» мандир Терской сотни: «Пусть эта наша встреча будет залогом того, что советское казачество Дона, Кубани, Терека и горские народы, сплоченные едиными интересами, в любой момент, по первому зову... **станут на защиту своей социалистической родины»..**

О том же говорит (там же) «советский казак» М. Мошкарев: «Советские казаки, самоотверженные строители социализма (! И. Б.), казацкой шашкой начисто снесут свиное рыло, которое сунется в наш советский огород. **Казачье население — могучий резерв рабоче-крестьянской Красной армии»...** (Так ли это? И. Б.).

То же самое говорит кубанский казак Шевченко (станицы Кисляковской): «Если вздумается буржуазным врагам помешать нашему мирному социалистическому труду — вот эта небольшая кучка казаков умножится в десятки раз.... Советское казачество не позволит международному капитализму грабить, топтать нашу родную, политую рабоче-крестьянской кровью (! И. Б.) землю.... **Казачество стало могучей, непобедимой силой социализма».**

В передовой статье, озаглавленной «Радостные дни», 16-го марта «Молот» захлебывается: «Пусть пеняют на себя те, кто посмеет нарушить наши грани-

цы. Горе им! **Советское казачество, доблестное, отважное, дисциплинированное советское казачество** — неотделимая часть великого советского народа — **в частях славной рабоче-крестьянской Красной армии покажет, как велика сила, как беспредельна мощь нашего пролетарского государства»...** (Покажет ли? И. Б.).

Там же рядом — приветствие «отважным конникам» от Северо-Кавказского Краевого комитета партии и краевого исполнительного комитета советов. Дело, конечно, не столько в приветствии, сколько в том, что: «Братская встреча казаков, сегодняшний праздник дружбы народов еще и еще раз подчеркивают перед всем миром **непоколебимую готовность в любую минуту грудью встать на защиту матери-родины»...**

О том же уверяет и секретарь Ростовского городского комитета партии т. Колотилин: «Нет никаких сомнений, что, когда потребуется, **советское казачество встанет грудью на защиту нашей социалистической родины»...** (Встанет ли? И. Б.).

Не отстают в патриотических чувствах и сами «советские казаки»:

— «Все, как один будем защищать Советский Союз», уверяет казак ст. Славянской Федор Клочко.

— «Мы на чеку!» — вторит ему кубанец Жуков.

— «Враги врасплох нас не застанут», говорит Андрей Седов, казак ст. Бейсугской....

Но, если большевики говорят то, что думают, — **говорят ли казаки то, что думают?** Или — **думают ли** они так же, как говорят? Как переверить это там, где говорить иначе нельзя?

Конечно, Д. Жлоба говорит то, чего хочет и во что сам верит: «Перед советскими казаками стоит ответственнейшая задача — вырастить и обучить лучшего казачьего коня для нашей кавалерии и самим быть отличными ворошиловскими кавалеристами и ворошиловскими стрелками.... Я уверен, что если враг посягнет на наши границы, на наш труд, то вы, советские казаки Кубани, Дона и Терека, **первыми станете на защиту** пролетарского государства и покажете образцы храбрости, мужества и беззаветной преданности социалистической родине, делу Ленина-Сталина».... («Молот», 20-го марта).

Но, вернемся к торжествам.

(Продолжение следует).

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть III.

(Июнь-декабрь 1919 г.)

НА ФРОНТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ДЕКАБРЯ

Остановившись выше на разборе намерений белого и красного русского командования в конце ноября 1919 года, мы привели директивы командующего Донской армией, главнокомандующего ген. Деникина и командующего красным фронтом полк. Егорва. Директива Деникина указывала ген. Драгомирову, «активно обороняясь на левом берегу Днепра, энергично продолжать операцию, чтобы разбить в кратчайший срок правобережную группу красных».

Ген. Драгомиров не смог выполнить этой задачи. Напротив, 12-я сов. армия сама перешла в наступление и 3-го декабря овладела г. Киевом.

После этого деникинские войска Киевской и Новороссийской группы были об'единены в руках ген. Шиллинга, принужденного продолжать отступление на юг.

1-го декабря красные заняли г. Полтаву. В то же время продолжалась весьма упорная борьба деникинцев с повстанцами Махно в районе Екатеринослава на обоих берегах Днепра.

Вообще же дникинцы переживали агонию на Украине, население которой щедрой рукой расплачивалось за все злодеяния, совершенные там русскими властями летом и осенью 1919 г.

Левый фланг остатков Добровольческой армии в районе Константинограда прикрывала бригада 1-й Тер. дивизии. Правее этой бригады находились остатки 5-го коного корпуса ген. Юзефовича. Временно командующий этим корпусом ген. Чекотовский в рапорте на имя командующего Добровольческой армией ген. Врангеля 4-го декабря о состоянии этого корпуса говорил следующее:

От'езжая сего числа в разрешенный мне отпуск по болезни, считаю своим долгом доложить Вашему Превосходительству истинное состояние тех полков, с которыми я непрерывно провел долгий боевой период. Постараюсь быть кратким и прошу верить, что в этом докладе не будет ни единого слова преувеличения. Конский состав дивизий дошел до полного изнурения. Выйдя в поход в июне месяце, до сих пор дивизия имела 5-6 дней, которые она стояла на месте, но все же готовая каждую минуту к выступлению. Если за эти полгода были случаи ковки, то это были случаи единичные. О зимней ковке не было речи. В настоящее время лошадь является обузой для всадника, которая на каждом шагу скользит и падает, так как все дороги в настоящее время сплошной лед, а замерзшие, вспаханные поля для движения невозможны. Скорость движения полков — три версты в час. Конные батареи впрягли в орудия все, что было возможно, до офицерских лошадей включительно, а офицеры ходят пешком. Чтобы взять какой-нибудь, даже незначительный под'ем, для этого первое орудие вывозится на руках, а остальные путем припряжки уносов из других орудий. Имея впереди 20-30-верстный переход, командиры батарей не ручаются, что они дотянут до ночлега... Если существует мнение, что в тылу есть большие пополнения, неиспользованные частями на фронте, то это несправедливо. Все, что возможно было взять из тыла, сколачивается и приводится в полки. Но эти пополнения прибывают частями до 20-50 человек и за несколько дней незаметно тают. Примером может служить 1-я бригада, которая 28-го числа имела 146 шашек. 29-го ноября, получив пополнение, имела 206 шашек, а сегодня, 2-го декабря, после боя у Ракитной, имеет 141 шашку. При столь ограниченном пополнении в числе рядов кадры офицерского состава гибнут, незаметно исчезают. Примером может служить Стародубский дивизион сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где из 24 кадровых офицеров осталось 12... Не желая вводить в заблуждение высшее командование громкими названиями «бригада», «дивизия», так как с этими наименованиями даются и задачи, я считаю своим долгом доложить, что 1-я кавалерийская дивизия представляет собой не боевую единицу, способную для выполнения каких-нибудь боевых задач, а лишь небольшую вымученную часть, которая своею численностью едва ли достигает численности полка слабого состава»...

Пехотные части Добровольческой армии безостановочно отступали на Изюм-Славянск. Этапы и скорость отступления остатков Добровольческой армии видны из последовательного перемещения штаба командующего этой армией ген. Врангеля. 27-28 ноября Врангель перемещается из г. Змиева в г. Славянск, 1-2 декабря штаб его переправляется из г. Славянска на станцию Юзовку, 12-го декабря — из Юзовки в Харпизск, 16-го декабря штаб Врангеля переходит на

станцию Матвеев Курган у Таганрога, 19-го декабря Врангель оставляет и этот последний.

Выше было уже сказано о событиях на фронте казачьей конной группы за время с 27 ноября по 11 декабря 1919 г.

Обращаемся теперь вновь к событиям на фронте Донской армии. Согласно данным Штаба этой армии к 1-му декабря она, помимо 4-го Донск. корпуса ген. Мамонтова, располагала следующими силами:

	штык.	шаш.	оруд.	пулем.	вспомог.
1-й Дон. корп.	4196	2990	35	182	2873
2-й Дон. корп.	2413	8778	55	169	3137
3-й Дон. корп.	3174	1795	53	184	3513
Всего	9783	13563	143	535	9523

Согласно тем же данным красные на фронте только этих трех Донских корпусов имели:

	штыков	сабель
в 8-й армии	18600	1100
в 9-й армии	12100	13400
в части 10-й армии	7000	500
Всего	37700 шт.	25000 саб.

Или: против 23 тысячи бойцов Донской армии красные имели почти 63 тысячи бойцов в трех советских армиях. Если приведенные данные соответствовали действительности, красные обладали почти тройным превосходством сил.

Одновременно с вышеописанным прорывом большевицких войск на широком фронте в направлении Сватово-Старобельск-Евсуг, поставившим в очень тяжелое положение не только конную группу, но и 3-й Донской корпус, красные войска 8-й армии продолжали производить весьма сильный нажим на 3-й Дон. корпус к югу от р. Черная Калитва.

30 ноября в районе сел. Нов. Мельница и Криничная между частями этой армии и частями 3-го Донского корпуса произошел крайне ожесточенный бой, продолжавшийся до темноты, при чем 10-й и 11-й Донские полки понесли большие потери: были ранены командир бригады ген. Тапилин, командир 10-го полка с ад'ютантом и командир 11-полка. После этого боя Донские части отошли на линию сел Дерезоватое и Фисенково.

К западу от железной дороги произошли упорнейшие бои в районе селения Ивановка. В этих боях были ранены командир 36-го Дон. полка полк. Кащеев, командир 33-го Дон. полка полк. Рябов и командир Гундоровского полка полк Шевырев.

1-2 декабря на фронте 3-го Донского корпуса красные заняли Талы на р. Богучар, Митрофановку на жел. дороге Лиски-Новочеркасск, далее Поддубное, Зоривку и Шрамовку — к западу от жел. дороги. 3-го декабря «в районе жел. дороги красные перешли в наступление в превосходных силах и после упорного боя, длившегося в течние всего дня, вынудили наши части отойти на линию Смоглиевка-Журавка-Марковка-Моляров. При чем Смоглиевка несколько раз переходила из рук в руки», говорит официальная сводка Дон. армии.

На левом фланге 3-го Донкорпуса «после упорного боя с пехотой и конницей красных, наступающих от Поддубного и Кривоносовки на Ново-Белое, наши части к ночи 4-го декабря отошли в район Каменки. Бой отличался особым упорством», повествует оперативная сводка.

Выше приведенные официальные данные о событиях на фронте 3-го Донкорпуса, за время с 30 ноября по 4-е декабря, ясно говорят о том, с каким упорством дрались Донцы по весму фронту корпуса, храбро защищая подступы к Донской области с северо-запада.

Однако, доблестный 3-й Донской корпус попал в это время в особенно тяжелое положение: с фронта упорно нажимали превосходные силы 8-й сов. армии, а левый фланг этого Корпуса глубоко обошли красные части, 2-го декабря уже занявшие г. Старобельск и продвигавшиеся в сторну г. Беловодска, выходя на тыл 3-го Донского корпуса.

Далеко неблагополучно складывалась обстановка и на правом фланге 3-го Дон. корпуса. 30-го ноября началась переправа конницы Думенко у Голиевки, против г. Богучара, на правый берег р. Дона. Из штаба Донской армии был послан запрос командиру 2-го Дон. корпуса ген. Коновалову, «не признает ли он более целесообразным бить переправляющуюся конницу противника по частям» (Думенко переправлялся на фронте 2-го Донкорпуса). «Ген. Коновалов в ответ на это предложение донес, что он предполагает начать боевые действия против главного об'екта своих действий — корпуса Думенко — 2-3 декабря, но что он до сих пор не получил ни одного офицера, ни одной артиллерийской лошади, не получил даже теплого белья» (из сводки).

2-го декабря «конница красных силою двух бригад заняла гор. Богучар»... 3-го декабря к юго-востоку от Богучара, в районе Медова-Карасев «произошел горячий встречный бой, конница красных неоднократно бросалась в атаку, но была каждый раз отбиваема и к вечеру была отброшена к Медова» — в 20-25 верстах к юго-востоку от г. Богучара.

Хотя дальнейшее продвижение конницы Думенко к югу от г. Богучара было временно приостановлено, все же укрепление положения этой непрительской конницы на южном берегу р. Дона ставило в очень тяжелое положение как 3-й, так и 2-й Донские корпуса: 3-й корпус красные теперь охватывали уже с трех сторон — Думенко с востока со стороны г. Богучара, 8-ая армия — с севера вдоль жел. дороги и с северо-запада, а корпус Буденного — с запада и даже с юго-запада — со стороны г. Беловодска.

4-го декабря красные также переправились на правый берег р. Дона в районе ст. Вешенской и заняли хутор Базковский; переправились и в районе ст. Мигулинской, где заняли хут. Ковалев. Вследствие этого, 2-й Донкорпус отрывался от естественной преграды — р. Дона.

Хотя 1-й Донской корпус продолжал еще крепко держаться на линии р. Дона, однако, отступление 2-го и 3-го корпусов и конной группы ген. Мамонтова указывало на весьма тяжелое положение на фронте русско-казачьей войны.

При этих общих условиях 5-го декабря 1919 г. командующий Донской армией ген. Сидорин дал следующую директиву войскам:

«Комкорам 1, 2, 3 Донских отдельных, копии Наштарм Кав, Наштарм Добр и Наштарм Глав.

«Сосредоточение противником конной ударной группы в стыке Донской и Добровольческой армий и стремление его прорвать фронт другой конной группой на Богучарском направлении может вызвать необходимость отхода с рубежа Дона ранее окончания проведения в жизнь намеченного плана усиления армии для начала нового наступления. В таком случае рубежем, за которым окончательно должна задержаться Донская армия, должен вновь явиться Донец. Прибегая к этой мере лишь в случае крайней нужды, необходимо использовать все средства для замедления продвижения противника, чтобы эвакуировать планомерно весь очищаемый район и лишь после этого продолжать отход, нанося противнику на каждом удобном рубеже короткий удар, главным образом пользуясь для этой цели конницей. На укрепляемый рубеж Донца и приспособляемый к обороне Константиновский плацдарм войска должны выйти не ранее того срока, когда Донец действительно может представлять собой серьезную преграду, то есть не ранее начала февраля.

Приказываю: сохранять занимаемое положение до крайней возможности; в случае необходимости:

1) Первому Корпусу отходить, имея в виду базирование на Цымлянскую и потом на Константиновскую. Свое движение согласовать с движением Кав-армии и 2-го Корпуса, дав противнику отпор на вы-

сотах х. Маноилина, потом на рубеже Чира и на линии р. Кумшак и верховье р. Быстрой.

2) Второму и Третьему корпусам использовать все средства к обороне Миллеровского узла, затем районов станций Тарасовки и Глубокая с целью возможно дольшего прикрытия Каменской.

3) Конечным пределом отхода может быть следующий район: для Первого корпуса фронт Богоявленская — устье р. Быстрой; Второму корпусу — линия Донца далее до станицы Калитвенской включительно, и Третьему корпусу — линия Донца до района Славяносербска, при чем разграничительные линии назначаются: между Кавармией и Первым корпусом р. Дон (предположительно), между Первым и Вторым корпусами — Новочеркасск-хутор Усть-Быстрянский-р. Быстрая-Гнилая-до станицы Милютинская-ст. Еланская... Между Вторым и Третьим корпусами — Новочеркасск-станция Репная-Ольховый Рог-г. Богучар. Между Донской и Добровольческой армиями (тогда 4-й Дон. корпус входил в Добровольческую армию) — станица Аксайская - Славяносербск - Старобельск, все, кроме Аксайской, для Добр. армии....

Нр. 01320/К. 5 декабря 1919 г. Ген. Сидорин».

Как видим, командующий Донской армией решил повторить тот маневр, к которому прибегла Донская армия зимою 1919 г. и который тогда дал такие блестящие результаты...

Выше мы отметили уже, что вслед за директивой командующего Донской армией, данной 13 ноября, ген. Деникин дал свою директиву 14 ноября; за директивой команд. Дон. армией 27 ноября последовала директива Деникина 29 ноября. Так было и в декабре: 5-го декабря ген. Деникин приказал:

1) Ген. Покровскому — продолжать оборонять Царицын, выделив в резерв Главнокомандующего, в район Новочеркасск-Аксайская, 1-ю конную дивизию.

2) Ген. Сидорину — удерживать линию Славяносербск-Калединск (Миллерово) и, прикрывая железную дорогу Лихая-Царицын, обеспечивать по Дону левый фланг Кавказской армии; все усилия направить к тому, чтобы левым своим крылом, совместно с Добровольческой армией, разбить противника, наступающего на фронте Луганск-Миллерово.

3) Ген. Врангелю — активно оборонять линию реки Донец (от стыка с Донской армией) и далее через Славянск-Лозвую надежно обеспечивать каменноугольный район; к своему правому флангу сосредоточить ударную группу с целью, совместно с донцами, разбить противника, наступающего в общем направлении на Луганск.

4) Ген. Шиллингу прикрывать Новороссийскую область и Крым, удерживая железнодорожные узлы: Синельниково, Кременчуг, Черкассы, Бобринская, Цветково, Христиновка, Винница, Жмеринка; главные же силы спешно направить в район Екатеринослава для быстрой ликвидации банд Махно и дальнейших действий во фланг и тыл противника, наступающего против Добровольческой армии.

Ген. Эрдели — срочно направить в резерв Главнокомандующего в район Новочеркасск-Аксайская одну конную и одну пластунскую бригады...

(Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 253).

Именно в это время невыносимо тяжелого положения на всем фронте генералы отстранили Мамонтова от командования казачьей конной группой и этим бесконечно облегчили задачи красного командования.... **Вместо** разгрома конной группы Буденного получилось то, что красная конница 11-го декабря захватила Луганск, поставив тем в чрезвычайно критическое положение весь наш фронт.

Почти одновременно с ударом конницы Буденного в направлении на Луганск, конница Думенко через х. Сетраков 7-8 декабря прорвалась на юг, захватила район Дегтево, Терновой и Ольхового Рога, «вклинившись между частями 2-го Донского корпуса, вследствие чего 4-ая (Донская) дивизия утеряла связь со штабом (2-го корпуса) и была подчинена комкору 3-го Корпуса» (из оперативной сводки Дон. армии).

Еще перед этим прорывом «стали появляться признаки, что конная группа 2-го Корпуса, боясь ввязываться в бой с конницей Думенко, видимо не оправдает возлагаемых на нее надежд» (из опер. сводки). Поэтому 7-го декабря из штаба Донской армии «комкорам послана телеграмма поднять дух бойцов и самим не оглядываться назад» (журн. воен. действ. Дон. арм.).

С целью ликвидации большевицкого клина между 3-м и 2-м Донскими корпусами 8-го декабря комкорам этих корпусов было «приказано возможно большей частью сил обрушиться на конницу противника, группирующегося в районе Дегтево». Однако, несмотря на все усилия казачьих частей, к глубокому сожалению, не удалось ликвидировать этот весьма опасный прорыв донского фронта конницей Думенко...

Глубокий охват частей 3-го Донского корпуса большевицкими частями с обоих флангов — Буденный с запада, а Думенко с востока — принудил его к дальнейшему отходу на юг — вдоль жел. дороги Воронеж-Новочеркасск: 6-го декабря красные заняли г. Беловодск, 10-го декабря шли весьма тяжелые бои у Баранниковского и Титовки — верстах в 30 к юго-востоку от г. Беловодска, 11-го декабря красные заняли слободу Мальчевскую, х. Волошин и Ларионов-Деркульский, 12-го декабря советские войска заняли узловую станцию Миллерово (Калединск) и всю железную дор. Миллерово-Луганск.

Эти большие неудачи на левом фланге и в центре Донской армии принудили донское командование начать отвод с р. Дона на юг и 1-го Донкорпуса. В декабре на переправах через р. Дон в разных местах фронта 1-го корпуса происходили бои, иногда достигавшие весьма большого напряжения. Например, 9-го декабря в районе устья р. Хопра — у хутора Зимовного — произошел бой, «в котором наши (Донские) части оказали упорнейшее сопротивление, потеряв до половины своего состава и почти всех офицеров» (опер. сводка).

12-го декабря на правом берегу р. Дона большевики заняли станицы Усть-Медведицкую, Н.-Григорьевскую, Сиротинскую, Трех-Островянскую, что указывало на то, что и 1-й Донской корпус оторвался от р. Дона и отступал на юг и юго-запад, равняясь по 2-му Корпусу слева и по Кавказской армии справа.

Тем временем части ген. Врангеля тоже продолжали отступать, сосредоточиваясь в Донецком бассейне: на левом фланге этой армии отходила Терская конная бригада, в центре — части Добровольческого корпуса и на правом фланге — Кубано-Терская конная бригада....

Наконец, 15-го декабря 1919 г. ген. Деникин отдал войскам следующую директиву:

«Противник продолжает наступление, нанося главный удар в разрез между Донской и Добровольческой армиями. Имея в виду сокращение фронта армии и надежное прикрытие наиболее важных районов, впредь до сосредточения сил и перехода в наступление, **приказываю**:

1) Ген. Покровскому, начав теперь же планомерную эвакуацию Царицына, отходить за линию реки Сала (Торговое Цымлянская), для прикрытия Ставропольского и Тихорецкого направлений.

Одну Кубанскую конную дивизию выделить в мой резерв, направив ее в район станиц Хомутовской, Ольгинской, Манычской;

2) Донской и Добровольческой армиям прикрыть Ростовское и Новочеркасское направления; а) ген. Сидорину, поддерживая правым своим крылом связь с Кавказской армией и задерживаясь на удобных оборонительных рубежах, постепенно отойти на линию Цымлянск-Усть-Белокалитвенская - Каменская - Ровеньки; б) ген. Врангелю, продолжая отход на намеченную линию — Ровеньки-Дьяково-Матвеев Курган- Лиман Мисский, сосредоточить главные силы к своему правому крылу. Возможно дольше удерживать, хотя бы бронепоездами с дессантами, железно-дорожные узлы: Чистяково, Криничная, Доля; в) начальнику инженер-

ных снабжений принять меры к наискорейшему укреплению Ростово-Новочеркасского плацдарма, линии рек Тузлов и Донской Чулек. **На этой позиции в случае надобности будет дан решительный отпор противнику;**

3) ген. Шиллингу продолжать выполнение прежней задачи, поставив главной целью прикрытие и оборону Крыма и Северной Таврии;

4) ген. Тяжельникову и Эрдели выполнять прежние задачи»....

По поводу этой директивы сам ген. Деникин говорит: «Задержка армий была необходима тем более, что не была еще закончена переброска к Ростову подкреплений и не эвакуированы армейские тылы: Таганрог, Ростов, Новочеркасск. В ближайший плацдарм Ростова и Новочеркаска под начальством ген. Топоркова сосредотачивался мой резерв» — 1-я кон. казачья дивизия, 1-я Терская пластунская бригада, конная бригада 2-й Терской дивизии, Ейская и Ставропольская школы для подготовки офицеров (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 264. Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 269).

Вышеприведенная директива ген. Деникина ничего неговорит уже о походе на Матушку Москву, а только об организации «решительного отпора пртивнику» на ближайших позициях у Ростова и Новочеркасска....

После издания «московской директивы» не прошло и 6-ти месяцев, а о ней уже и не вспоминали.... И в резерв неудачного «спасителя России» снова стягивали **казачьи** части...

(Окончание следует).

Пам'яти К. Л. Бардіжа і його синів

(Докінчення).

Переставши бути комісаром, Кіндрат Лукич не відійшов в сторону, не умив рук від кубанських спрв, а на це після провала його кандидатури в отамани він, властиво кажучи, мав моральне право. Як тільки було зформовано законодатною Радою правительство Л. Л. Бича, він згоджується, на прохання голови правительства виконувати де-який час обов'язки міністра внутрішніх справ.

Одною з найголовніших своїх задач це правительство ставило собі приведення до згоди, до об'єднання козаків і іногородніх, принаймні розсудливої, більшої частини цих останніх. Першою для того передумовою було знищення двовластя, а то власне — розпуск «Областного Совєта» і його «Исполнительного Комітета» шляхом включення представників не тільки корінних, але й некорінних, не приписаних до Кубані іногородніх до складу створених Кубанською конституцією установ: до Краєвої й Законодатної Рад та до Краєвого уряду.

Кіндрат Лукич в переговорах з іногородніми брав найживішу участь, бо в примиренні козаків і іногородніх він вбачив єдино заруку миру й порядку на Кубані та основу можливого успіху в боротьбі проти большовизму. Перша спроба примирення в листопаді (ноябрє) місяці провалилася. Угоди досягти пощастило лише в кінці грудня (декабря) 1917 р. Для того Кубанське правительство скликало Краєву Раду, а виконавчий комітет одночасно — з'їзд представників іногороднього населення.

Але перш як догодитися з іногородніми, козакам довелося насамперед догоджуватися між собою. Справа в тому, що частина молодших членів Ради, приблизно 150 із 550, а в тому числі майже всі делегати від фронтових військових частин зайняли позицію, що найменше недовірливу, а то й просто ворожу до Кубанського уряду і схилялися до того, щоб визнати большовицьку владу. Для вияснення цих болючих відносин по-між «батьками та дітьми» було призначене окреме закрите засідання козаків (здається, 17 грудня). Засідання це носило глибоко драматичний характер, якого учасникам його не забути до смерти. Тут не помогла красномовність отамана Филимонова, який доводив про необхідність козакам об'єднатися та одностайно відбиватися від страшних небезпек розвалу, анархії, большовизму, що на сувалися на Кубань зо всіх боків. Не помогли й слова голови уряду Л. Л. Бича, який казав, що уряд не чіпляється за власть, що він готовий передати важкий під цю пору тягар власти молодим, нехай тільки вони оборонять, спасуть Кубань від большовизму. Виступали з промовами й члени Ради, інтеліґенти й рядові козаки, заклинаючи фронтовиків схаменуться та не йти з ворогами козацтва.

Але наче нерушима стіна стояла між «батьками» й «синами». Одні одних не розуміли. Одні одним не вірили. Фронтовики збилися в одну групу, зайнявши задні ряди крісел партера (засідання Ради відбувалися у Великому театрі).

Любо було двитися на них. Чепурненько одягнені, в противність «революційній» розхристаності товаришів-салдатів, молоді, стрункі, дебелі, як дубки, з засмаглим на фронті обличчям, з гордим, рішучим поглядом очей, що зблизька бачили смерть на Ерзерумському, Трапезундському, Карпатському та інших фронтах. Під час промови «старика», вовкувато позирають, похмуро мовчать, хіба пробіжить під вусом недовіркувата усмішка або зірветься з уст іронічне слово, у відповідь на яке загрожуюче підніметься монументальний кулак сивобородового козарлюги, мовляв, не заважай слухати розумні слова.

Молоді — то була краса, надія, сила Кубані, але сила, на яку тоді не можна було покладатися, бо запоморочено було їй голову найкрайнішими революційними кличами та революційною гістерією.

Кіндрат Лукич не збирався виступати речником на цьому засіданні. Швидко, нервово ходив він за кулісами театральної сцени, ламав руки, аж пальці йому хрускали, та все промовляв, наче машинально, до самого себе: «Не те, не те! Якось інакше треба до них підійти! Щось інше казати!»

Коли ж список речників був вичерпаний, коли в салі настала тяжка мовчанка, тільки старі сопли й тяжко зітхали, раптом зза куліс вийшов Кіндрат Лукич і попросив слова.

Образно, широкими штрихами намалював він картину того, що чекає Кубань, якщо прийдуть большовики, як зголоднілі вовки: заберуть хліб, худобу й всі інші продукти, щоб годувати Московщину; розстрілюватимуть вільнолюбивих козаків; знущатимуться над козачками-жінками й дівчатами, над церквами й вірою, над козачими звичаями; одберуть і переділять козачі землі, зруйнують козаче господарство, будуть палити станиці, а кінець-кінцем, скасують і Військо і саме ім'я козака захотять знеславити, щоб впало воно в забуття. Чи вже козаки дадуть себе живцем обдерти зі шкури? Спасти Кубань ще можна, але треба, щоб всі козаки, як один, стали в оборону її разом з Терцями й Донцями. Особливо тяжка відповідальність в цьому відношенню спадає на фронтовиків, що повертаються з фронту військово організовані полками й баталйонами, що мають силу, мають зброю — рушниці й гармати. Коли вони так героїчно билися за Росію проти німців, австріяків, турків, то, повернувшися до-дому, нехай вони так само героїчно боронять свою рідну Кубань. Старики без зброї, без молодечих сил і завзяття самі нічого не зможуть зробити проти ворога гіршого, чим турок і німець, бо цей ворог

влазить в душу козачу й морально її розкладає. Нарікають на Кубанське правительство, але воно є ваше, вами вибране, а кінець-кінцем, що воно може зробити без військової сили? А потім, якщо це правительство не на своєму місці, нехай Рада, а в ній є й представники фронтовиків, вибере інше правительство. За всяку ціну, доки ще не пізно, козаки мусять спасти Кубань.

Промовляв Кіндрат Лукич не менш години. В салі панувала мертва тиша, ніхто не поворохнеться. Гремить тільки його голос, іноді благаючий крізь здушені сльози, іноді докірливий, гнівний, а з уст його лилися терпкі, гіркі слова на адресу тих, кому є байдужа доля Кубані, хто хоче допомогти ворогові спихнути свою матір-Кубань до провалля, в безодню. Зокрема терпкі були його слова на адресу фронтовиків, які вірять більшевикам більш, аніж своїм батькам, своїй Раді, своєму урядові.

Ціла промова його була перейнята такою силою любови до Кубані, такою боязню за її долю, що всі наче заклякли перед страшною картиною руїни Кубані, хоч тепер треба сказати, що в дійсності большовики зуміли зробити цю картину ще більш страшною.

Закінчив Кіндрат Лукич свою надхненну промову-імпровізацію закликом до боротьби, бадьорою нацією на побіду справедливого козачого діла. Справедливого тому, що козаки нікого не хотять поневолювати свободи, прав і майна; вони хотять лише зберегти свою свободу, честь, свою землю, своє добро.

Він скінчив. З грудей цілої Ради, що піднялася на ноги, як один чоловік, вирвався крик згоди й зірвалася буря оплесків. І на цей раз може найголосніше, найвідданіше згучали голоси молодих козаків-фронтовиків. Серед цієї овації раптом залунав могучий, оксамитовий баритон члена Ради Авдєєва, що заспівував фронтову пісню-гімн: «Ти Кубань, ти наша Родина»... Співала в надхненнім ціла Рада. Старі й молоді. У багатьох старих текли сльози по вусах і сивих бородах. У молодих очі сяяли рішучістю боротьби. Сила любови до Кубані, яку вони відчули в палкій громові Бардіжа, розбила їхнє недовірря до «батьків», розвіяла намул большовизму, очистила їх вир — козачі душі.

З молодих тіл зняли біля десятка пішло до большовиків, але чи не були це запроданці, большовицькі наймити?

Отже, так сталося примирення між козаками. Після того праця Раді пішла жвавіше, легче було дійти угоди і з іногородніми. Ця остання угода сталася на основі визнання прав Кубанського громадянства всім іногородніми, що проживали на Кубані не менш 2-х років, і на базі паритетности, рівности в організації Законодатної Ради (46 козаків, 46 іногородніх, 8 горців) та Краєвого уряду (5 міністрів від козаків, 5 від іногородніх, 1 від горців).

Але, на жаль, угода з іногородніми не дала Кубані сподіваних від неї результатів, бо ж більша частина депутатів-іногородніх (щось 350 із 600) вийшла з Краєвої Ради та визнала владу петроградських народніх комісарів, а іногородня маса стала по боці большовиків проти козаків.

* * *

Надійшли Різдвяні Свята 1917-18 р. Большовики з усіх сторін почали наступати на Кубань: з Криму на Тамань, з Новоросійського, зі станцій Тихорецької й Кавказької — на Катеринодар, з Дону — на Кущівську, з Ейського — на Уманку. Большовицьке кільце звужувалося. На всі бойки треба було відбиватися усюди посилати війська, а їх у Кубанського уряду було дуже мало та й ті не однаково надійні. Сам Катеринодар — місто більш як з 120,000 д. населення, з того 95 відсотків іногородніх, кишів большовиками або принаймні симпатиками большовиків. При цих умовах бути міністром внутрішніх справ, держати порядок на території, що ще була під владою Кубанського уряду, було ділом зовсім не легким. На Різдво уряд чекав виступу большовиків і в самому Катеринодарі. Але, на диво, в Катеринодарі був певний спокій і порядок. Всяких кримінальних оказій, сутичок і скандалів було навіть менше, як у звичайний, мирний час.

А якими силами розпоряджав міністр внутрішніх справ, свідчить наступний факт. На одному із засідань Кубанського уряду К. Л. Бардіж, довідавши про стан справ в його міністерстві, згадав про підозрілу дільність якоїсь большовицької групи в Катеринодарі. Коли хтось з членів уряду, сказав, чого ж дивиться пан міністр внутрішніх справ і чому не велить їх заарештувати, Кіндрат Лукич оглянув присутніх і з іронією в голосі сказав: ну що ж, нас тут зараз десятеро, ходімо й арештуємо. Бо я на цю пору маю в своєму розпорядженні тільки 27 надійних людей та й то безконечно перевтомлених, фізично знесилених. Останніх міні треба було розіслати по станицях і селах. Там вони більше потрібні. Так кажімо!»

Розуміється на цей раз підозрілі особи не були арештовані. А взагалі порядок в Катеринодарі й надалі не порушувався. Порядок держався, властиво кажучи, престижем імені К. Л. Бардіжа. Всі відчували що в необхідний момент він знайде необхідні засоби й сили, щоб в корні придушити всяку спробу викликати заворушення й колотнечу.

* * *

Коли паритетна Законодатна Рада в початку січня (ст. ст.) 1918 р. сформувала новий Кубанський уряд на паритетних началах під головуванням знову К. Л. Бича в цей уряд К. Л. Бардіж вже не ввійшов бо з одного боку йому робився отвод з боку іногородніх членів Ради, а з другого — і це головніше він сам того не хотів бо прийшов до твердої думки, що більш користи Кубані він принесе, взявшися за організацію козачої військової сили, яка змогла б поставити збройний опір на північно-західних кордонах Кубані.

Центром своєї організації Кіндрат Лукич вибрав рідне йому Чорноморря, де він знав багатьох персонально і де знали його. Формою для організації чорноморців вибрав «Вільне Козацтво».

Кубанський уряд схвалив проект Кіндрата Лукича (до вступу в уряд іногородніх його членів), виасигнував в розпорядження Бардіжа досить значний кредит, дав йому належні повноваження командуючого фронтом, право переводити добровільну мобілізацію козаків бездатного віку, уділював йому зброю й стреливо зі своїх мізерних запасів.

З властивою йому енергією Кіндрат Лукич роспочав справу організації «Вільного Козацтва», взявши за найближчих помічників собі своїх синів Віктора, що властиво був його начальником штабу, і Миколу в якості осавула (ад'ютанта), а також закликавши низку бойових старшин чорноморців. Без відпочинку денно й в ночі працювали Бардіжі. Як орлі літали по Чорномор'ю, держучися як бази Чорноморсько-Кубанської залізниці. За 2-3 тиждні Кіндрат Лукич мав вже 5-6 тисячний відділ (отряд); розташував його в станицях, яким загрожували большовики, і по залізнодорожніх лініях Чорноморки.

Зібравши ударний кулак (февр.) на границю Кубані й Дону, щоб звідти ударити на Батайську (під Ростовом н-Д) групу большовицького війська і таким способом з одного боку помогти Донцям, а з другого — перерізати сполучення між Ростовом і Тихорецькою, а, повернувшися з Батайської по Владікавказькій залізниці, ударити в тил Тихорецькій групі большовиків, що йшла на Катеринодар, одсовуючи військо Кубанського уряду.

В куренях «Вільних Козаків» були козаки під 40 і за 40 років, іноді просто діди. Озброєні винтовками старого типу, з 5-10 набоями на кождого, з кількома гарматами на ціле військо, різномастно одягнені, вахлакуваті, давно одвиклі від військової муштри, з турботами на душі і в очах про те, хто ж заоре й засіє їхнє поле, хто справлятиметься в господарці, вони, ці добровільні оборонці рідного Краю, не робили враження дуже бойовничого, грізного війська. Але Кіндрат Лукич сподівався, що їхня жертвенність захопить молодих козаків,яких у Бардіжевому війську майже не було.

Але фронтовики не тільки не пішли у «Вільні Козаки», не стали в оборону Кубані, але обурені, збиті з пантелику большовицькими пропагандістами, вони навпаки зробили все, щоб повернути в нівець роспочате К. Л. Бардіжем діло спасіння Кубані.

Тут, властиво кажучи, продовжилася трагедія розходження «батьків і дітей», зліквідована Кіндратом Лукичем місяцем-вдвома раніше в Раді, але на місцях заглиблена до того, що сини ставали проти батьків іноді зі зброєю в руках. Це саме й сталося з організацією «Вільного Козацтва».

Коли К. Л. Бардіж зконцентрував свій відділ на станції Старомінській, щоб звідси йти на Кущівську-Батайську, комітет пластунських баталіонів і кубанської батареї, що прийшли з фронту і були розташовані в станиці Старомінській, вимагав негайного видалення «Вільного Козацтва» з району цієї станиці під загрозою розстрілу його з гармат. Для полагодження конфлікту в Старомінську приїхала окрема делегація в склад. товариша голови Ради Султан-Шахим-Гірея, Ф. А. Щербини, П. Л. Макаренка й ін., маючи своїм завданням привести старомінчан і фронтових козаків до розуму. Але з того нічого не вийшло, а самих делеґатів мало що не було перебито на мітінґу; фронтовики гарматчики вже стояли на поготові, щоб почать стрільбу на «Вільних Козаків» Бардіжа. Довелося відійти назад.

Цей трагічний інцидент мав для заснованого Бардіжем «Вільного Козацтва» згубні наслідки. Якщо «батьки» ще надіялися справитися з большовицькими, тоді ще слабо організованими бандами, то вже ніяких надій не було у них на те, щоб подоліти власних «синів», що були добре озброєні, що на фронтах тільки що пройшли велику школу бойового досвіду, що мали за собою поміч салдацької та взагалі іногородньої маси. А що найголовніше — у «батьків» вибито було з під ніг моральну базу для спротиву большовизму, бо ж зза нього треба було битися проти своїх же дітей, проливати рідну кров, нищити своє сім'я.

Почали «Вільні Козаки» розходитися по своїх станицях і куренях. Як весінній сніг на сонці, швидко розтало військо Бардіжа, хіба залишилася вірна йому одна-друга сотня. Але з тим годі було мріяти про які-будь серйозніші операції для спасіння Кубані. Ще кілька днів по інерції кидався Кіндрат Лукич зі своєю сотнею і з своїми синами із станиці в станицю. Все кликав до бою, але козацьке ухо стало глухим.

Останню свою надію він покладає на Чорноморську Раду, яку було скликано на 15. II в рідній станиці Бардіжів-Брюховецькій. Зібралися туди представники 60 станиць-курінів б. Війська Чорноморського; прибули Військовий отаман, представники Кубанського уряду, К. Л. Бардіж, де-які члени Законодатної Ради і інших районів Кубані. Але праця цієї Ради носила вже дуже тривожний характер. Ночні засідання Ради в школі при слабому, напівтемному освітленні скидалися більше на сходини конспіраторів, змовників. Пізно в ночі на 17. II Військовий Отаман одержав телеграмму що большовики прорвали Кубанський фронт, на Тихорецькому напрямку і майже без перешкод ідуть на Катеринодар. Спішно треба було міняти роздроблений в комісіях Ради план боротьби та негайно роз'їзджатися на місця, бо кождому треба було бути на своєму посту.

Але було ясно, що й ця спроба завалилася.

* * *

От тут і у Кіндрата Лукича остаточно заломилася віра в успіх боротьби. Кілька день по Раді він теж приїхав до Катеринодару з своїм штабом, ліквідувавши таким чином свою організацію «Вільного Козацтва». Опустилися підборкані самими ж козаками орлині його крила. Він зневірився в козаках. Він побачив, що на цей раз козацтво через нерозуміння ситуації, через неохоту боротися програє свою справу. Він знав, що козакам доведеться перейти надзвичайно тяжку, хрестну путь стражданъ, мук, знущань від розгнузданих морально, розбещених большовиків, чужих — московських і своїх кубанських, іногородніх і козачих, бо ж і серед козаків були большовики. Але він тако-ж знав, що настане час і козацтво прокинеться від дурману не знесе московсько-большовицького ярма повстане і то вже в скорому часі. А тоді вже не буде хитань не буде серед козаків двох думок з приводу того чи треба чи не треба боротися проти большовизму. Не повториться тоді й того що недавно трапилося йому в Старомінській.

Отож цей короткий період треба борцям за Кубань десь перечасувати заховатися від ворогів, щоб у відповідний момент об'явитися та знову покликати козаків на бій послужити Кубані. К. Л. не хотів виходити з Катеринодару з правительственним військом бо не мав найменшого довірря ні до Військового Отамана Филимонова, ні до призначеного ним Кубанського командарма, зайди й авантурника полк. Покровського. Він рішив піти сепаратно через Ключеву на Чорноморське побережжа, а звідти, якщо буде треба, перебратися до Грузії.

26. II вийшов Кіндрат Лукич в похід за Кубань, взявши з собою 15 їздців, в більшості Кубанських старшин, а в тому числі були й його сини — Віанор і Микола. Але вже за Гарячим Ключем, в 50-60 верствах від Катеринодару, натрапили вони на большовицьку заставу. Ввесь час далі прийшлося пробиватися силою. Кіндрата Лукича було поранено, де-кількох з його сопутників було вбито, де кількох ранено. Переказували, що в числі «ловців» за головами Бардіжів були й кубанські козаки. Для того часу масового божевілля це не здається чимсь неймовірним. Може, було й це! Нарешті в одно село Чорноморської губ. біля Туапсе приїхало їх семеро, голодних, фізично й морально змучених, в більшості ранених. Тут їх всіх було захоплено в полон спеціяльно висланим із Туапсе большовицьким загоном.

Тут, в Туапсе, відогрався останній акт трагедії життя Кіндрата Лукича, так міцно зв'язаної з трагедією Кубанського козацтва.

* * *

Оглядаючися назад, на часи боротьби з наступаючим, тоді ще неорганізованим большовизмом, ми зараз диву даємося, як це ті, кому загрожувала від нього така страшна, смертена небезпека, якщо не розумом, то принаймні інтуітивно, підсвідомо не відчули всієї глибини небезпеки. І це було так майже у всіх народів колишньої Росії: в українців, білорусів, козаків, грузин, вірмен, горців Кавказу й ін. У одних більше, у других — менше.

Скрізь, у кожного з цих народів були вожді, які кликали на боротьбу, які заклинали відбиватися від Москви всякою ціною, не жаліти ніяких жертв, бо передбачали вони жахливі наслідки для їхнього народу від панування большевизму та й других форм панування Москви. Їх у свій час не слухалися. Їм не вірили. Тепер тільки кожен бачить, що дійсно ніякі жертви не були б тоді завеликі.

Ми ніколи не будемо знати точно скільки за

гинули людей в чужонаціональних для Московщини країнах за минулі 19 років, як не будемо знати й точної суми матеріяльних втрат, понесених цими країнами за час панування большовицької Москви, Але певно, що розстріляно, померло від голоду, від заразливих хвороб, на засланні, від каторжних робот і ін. причин, створених большовицьким режимом, мілійони й мілійони люду. Певно, що матеріяльні шкоди цих країн виносять мільярди й мільярди не теперешніх обезцінених, але золотих карбованців. Якби бодай десята частину дійсних людських і матеріяльних жертв було принесено тоді (1917—1919 р.), ці народи певно були б нині вільними.

А фізичне виродження, дегенерація населення, а моральне роспуство, що їх приніс з собою большовизм і що на довги десятиліття будуть відчуватися уярмленими народами, хіба не варто було принести найбільші жертви, щоб цього всього уникнути!

Тому пам'ять тих, що в ті часи кликали нас на боротьбу і самі ставали до бою, що вказували нам шлях до спасіння своїх країв, що горіли любовю до свого народу і на тому огні любови згоріли, пам'ять тих має бути для нас священною. Козак, українець, горець, грузин — перед пам'ятю цих людей ми завжди з глибокою пошаною схилимо свої голови, бо вони боролися за, волю, долю й щастя свого народу.

В списку цих незабутніх на одному з перших місць стоїть ім'я Кіндрата Лукича Бардіжа та його двох синів — Віанора й Миколи..

Пригадується нам, що під час похорону Бардіжів в Катеринодарі одна з місцевих газет прирівняла Кіндрата Бардіжа до Тараса Бульби. Ні, паралель ця невдала; він не Тарас Бульба. Він сам по собі. Це тип самобутній, незрівнянно вищий. Тарас Бульба — дитина фантазії великого художника. Кіндрат Бардіж — явище реальне. Це дитина ще більшого, як Микола Гоголь, художника: його творцем є життя, що дало в особі К. Бардіжа палкого козачого патріота наших часів, козака високої культури і високих чеснот.

* * *

Для нас, козаків, трагедія К. Л. Бардіжа дуже смутна але водночас і повчаюча. Вона вчить нас передусім тому що ми не вміємо розбиратися в людях. Ми, Кубанці, на першого виборного Військового Отамана вибрали Филимонова й не подали своїх голосів за Бардіжа. Филомонов, не кажучи вже про його моральне обличчя, не був і не є по своїй психології козаком, а тільки служителем чужих нам, московських інтересів. Це властиво — московська, а не кубанська людина.

На Лемносі Кубанці знову вибрали собі за закордонного отамана таку ж московську людину — ген. Науменко.

Раніше ми сказали, що необрання в 1917 р. К. Л. Бардижа на Військового Отамана було може найбільшою помилкою збоку кубанців. Це воно так і є, бо ж, беручи на увагу волєву натуру Кіндрата Лукича, можна було б чекати, що цілий перебіг подій на Кубані в 1917-1918 р. р. носив би зовсім інший характер. Не знаємо, чи пощастило б йому отстояти Кубань в цей період від завойовання її большовиками. Скоріше, що ні, бо козаки тоді не хотіли воювати. Але можна бути певним, що він не поставив би на чоло кубанських сил в 1918 р. капитана-полковника-генерала Покровського. Що цілком іншими, достойними Кубані, були б відносини між Кубанью й Добрармією, якби й при ньому, при Бардіжеві, довелося робити з нею військову угоду. Що за отаманства Бардіжа Кубань мала б свою, самостійну Кубанську армію і не було б того, що цілий час кубанські козаки билися під прапорами Добрармії, під назвою «доброволців», наче Кубанців і на світ не було. що за Бардіжа ген. Деникин не насмілився б підняти руку на хазяїна землі Кубанської — Краєву Раду. Що не було б повішено А. Ів. Кулабухова, а може не було б вбито і М. С. Рябовала.

І ще багато де-чого гидотного не було б зроблено. Одним словом, Бардіж не покрив би Кубань неславою, соромом, за які Кубанцям нині доводиться і на будучі часи доведеться червоніти.

По-друге, з трагедії Бардіжа ми витягаємо й ту науку, що козаки дуже охоче прислухаються до голосу чужих їм людей. Один час прислухалися до большовицького голосу, потім до єдинонеділімческого, а як що слухали своїх козачих голосів, то охотніше тих, що «співають їм московських пісень». Своїм же правдивим козакам, козачим патріотам, за життя цих патріотів, ми звичайно мало віримо або й зовсім не віримо. Лише після їхньої насильної смерти, коли тих наших патріотів уб'ють або повісять, ми починаємо розуміти, кого ми втратили, починаємо складати про них пісі, шанувати їхню пам'ять.

І це, розуміється, добре. Але все ж було б значно краще, якби ми шанували видатних наших людей, вірних козацтву до кінця, ще за їхнього життя та всіма способами їх підтримували б їхній боротьбі за волю й долю козацтва, якби ми не ходили «до вовка позичати розуму», знаючи, що потрібний нам розум ми й у себе знайдемо.

Як би смерть К. Л. Бардіжа помогла нам позбавитися чущого гіпнозу, то це значило б, що вмер він недаремно, що й своєю смертю приніс користь козакам!

Чужинец

Пугачев и Яицкое казачество

По новым историческим данным.

IУ ПУГАЧЕВ НА ПУТИ К ДОНУ

Рок, который увлек Пугачева из под Казани на юг и, через камыши заволжских Узеней, привел его на эшафот московского Болота, это — была его вера в родной Дон, в его сочувствие, надежда на его силу и уверенность в совместной с ним победе над Империей. И в начале своего дела, и в середине его «амператор» остался тем, чем он был всегда: донским казаком.

Еще при первом свидании с яицким казаком Пьяновым (в 1772 г.), он горячо воскликнул: «Как вам, яицким казакам, не стыдно, что вы терпите такие притеснения в ваших привилегиях»! Это был казачий язык, язык казака, который отлично понял централизаторскую политику имперского правительства на Дону, попытался создать себе имя и положение среди терского казачества, бросился на Яик, услыхавши о тамошней борьбе казачества за автономию. Для **этого** казака путь в Москву логически **должен** был итти через Дон. Оттуда должны были двинуться с ним те, кто, по его мнению, **хотели** и **могли** нанести имперскому централизму решительный удар.

Взятие Казани оказалось роковым для Пугачева. В этот момент он, действительно, потряс Империю в

самых ее основаниях, заставил вздрогнуть не только императрицу, но и правящее дворянское сословие. Поражение, нанесенное Пугачеву Михельсоном, было тяжким ударом с **военной** точки зрения; **политически**, идя вперед, Пугачев мог не только наверстать все потерянное, но и войти триумфатором в Москву. Но он был не столько опытным политиком, сколько **военным** человеком. Переходя через Волгу, т. е. на **правый** ее берег, он сам отпустил остатки башкирских отрядов, еще остававшихся при нем: главные массы башкир, столь мощно поддержавших его в оренбургский и в уральский период войны, сами покинули его после поражения 15-го июля на Арском поле и пошли домой, «в Башкирь». Для них борьба вне родного края была непонятна и чужда 68). Из профессиональных воинов у Пугачева осталось лишь сотни три яицких казаков. Для Пугачева, как человека военного, привлечение донских казаков в ряды его армии казалось абсолютной необходимостью. Он жаждал этого и как казак, и как политик.

Но пока настоящих, живых донцов не было или почти еще не было у Пугачева, надо было создать хоть их видимость. Из «оказаченных» восставших крестьян и взятых в плен солдат был создан полк, названный «Донским». Соратника Пугачева Зарубина (Чику), яицкого казака, именовали по приказу Пугачева не только «графом Иваном Никифоровичем **Чернышевым**, его высокогравским сиятельством», но и «Донского казачьего войска главным предводителем» 69). Конечно, у Пугачева не было и мысли дать Дону **наказного** атамана, привезенного с собой в «царском» обозе: он дал бы, да и не мог бы не дать Дону возможность произвести **выборы** атамана в Кругу. Но надо было внушить народу мысль, что **все** казаки с Пугачевым, а донцов у него столько, что для них даже собственный «главный предводитель» есть.

Стоя под Саратовым, Пугачев под'езжал лично к укреплениям, уверяя солдат, что Петр Ш сам при войске, «к которому весь Дон идет на подмогу» 70). Пугачевский полковой есаул Ф. Мартынов признался в Царицыне на допросе: «По взятии Царицына полагаемо было итти на Дон, имея надежду приумножитца казаками, чрез города вступить в Москву» 71). Майор Салманов, пугачевец, взятый в плен в Саратове, показывал: «А что принадлежит о их замыслах, то явно хвалились, обнадеживая себя взять Царицын, поворотить на Дон; и как все Донское войско склонют (говоря о том с надеждою), пойдут через Воронежскую губернию на Москву» 72). Вне сомнения, что необходимость поддержки со стороны донцов почувствовали и яицкие казаки, составлявшие главное ядро пугачевского войска.

Впоследствии, в Тайной Экспедиции Пугачев уверял, что «планов он не имел, ибо он мерской свой живот в руки отдал, с самого начала его злодеяний, яицким казакам» 73). Из этого можно сделать лишь один вывод: и яицкие соратники, и «хозяева» Пугачева склонились также к его плану — поднять Дон. Уверенность в мощной поддержке Дона была такова, что Пугачев говорил под Дубовкой депутату от Астраханского **казачьего войска** в Законодательной Комиссии 1767-8 **года В. Горскому: «Пройдем Царицын и пойдем** на Дон, а с Дона пройдем мы в Москву — по гладкому месту»!.. 74).

Если Пугачев крепко надеялся на Дон, то большинство Екатерининских генералов не очень-то надеялись на донских казаков для защиты Империи. Не прошло и месяца с появления Пугачева под Яицким городком, как в Государственном Совете (15 окт. 1773 года) был поставлен вопрос не только о восставшем только что Яике, но и о главном центре казачьего движения — о Доне. По мнению председателя Военной Коллегии гр. Чернышева, пугачевский мятеж был «только искрою волнений, происходивших в 1772 г. на Дону».... «Если б атаман Ефремов, — прибавил к этому председатель Иностранной Коллегии Н. И. Панин, — в пору схвачен не был, то мы имели бы всю Кубань на плечах, что довольно видно по переписке с татарами» 75).

При первых же вестях о появлении Пугачева на Яике обер-комендант крепости св. Димитрия Ростовского Потапов разослал по станицам Войска Донского нарочных казаков «конного казацкого полку» крепости св. Димитрия» — «к разведыванию, какие о том где слышаны народные эхи». Это была типичная внутренняя разведка в пределах автономного Дона из крепости, служившей опорным пунктом имперской власти в крае. Организовал эту разведку старый матерый царский волк, враг вольного казачества, незадолго перед тем побывавший и на Яике 76). Сам он усердствовал в Ростове, производя пытки над казаками-участниками мятежа 1 октября 1772 г. на Дону, каковых содержалось в крепости под стражею 96 человек, да то и дело требовал в Ростов из Войска на суд и других. Кроме того, он очень огорчался, что не арестованы поголовно все 1454 чел. — участники революционого Круга 1 октября 1772 г. (выгнавшего из Черкасска имперского комиссара и яицкого палача, ген. Черепова), и 66 чел. атаманской сотенной команды, прискакавших в Черкасск на выручку войскового атамана. Скорбел он и о том, что 300 чел. казаков, прискакавших в свою очередь 10 ноября 1772 г. под стены крепости св. Димитрия (требовать выдачи арестованого войскового атамана), «не истязавши жестоко», отослали лишь вне очереди на фронт.

Помимо расправы, производившейся в Ростовской крепости, на Дону были поставлены оккупационные отряды регулярных войск, отчасти в связи с октябрьским мятежем, отчасти в связи с пугачевщиной. Уже в июле 1774 г. Войско отправило «с нарочными старшинами» отписку Гр. Потемкину, «какие нам, Войску Донскому, немалочисленные обиды и утеснении от следующих и квартирующих по ведомству здешнему разных воинских команд причинены — безденежно взятьем пищи и фуража, битьем станищных атаманов и казаков напрасно, о силном изнасиловании казачьих жен и о прочем» 77). В октябре 1774 г. Войско жаловалось «определенному и уполномоченному от Ея И. Вел. к пресечению мятежа» гр. Панину, что ген.-м. кн. Багратион «с имеющимся при нем войском, с самого началнаго ево прибытия,почти из станиц здешнего ведомства и не выходил; а при том и прибывшие с Кубани і ис Крыму: г. брегадир и ковалер Бринк с своим деташаментом, подполк. и ковалер Бухвостов с частию находящегося при нем войска, пехотные Селенгинской, Курской и Алексеевской полки, из которых и прежде здесь на квартирах были приходом своим и імели квартирование, и ныне в жилищых тутошних находятся».

Между тем, и в 1773 и в 1774 г. на Дону, особенно же на Хопру, и по Бузулуку был сильнейший неурожай.

Все эти командиры отдельных отрядов, а также коменданты прилегавших к Земле Донских Казаков российских крепостей — Новохоперской, Царицынской и Ростовской (Аршеневский, Цыплетев и Пота-

68) Пугачевщина, т. II.
69) Пугачевщина, т. I, с. 150.
70) **Рунич**, «Р. Стар.», 1870, т. II, с. 249.
71) «Пугачевщина», т. II, с. 207.
72) Там же, т. II, с. 219.
73) Допрос, «Кр. Арх.», 69-70, с. 222. «Живот» — по славянски — жизнь, а «мерзкий» добавил усердный писец.
74) **Дубровин**, т. Ш, с. 234.
75) Следствие по делу Ст. Ефремова выяснило сношения его с Джан-Мамбетом, который попытался даже заступиться, правда лишь на бумаге, за опального атамана.
76) Пугачевщина, т. II, 392 (58).
77) Рапорт войск. наказн. атамана гр. Панину, 18-го октября 1774 г. «Пугачевщина», П, с. 61.

пов) недружелюбным оком следили за донцами. 8 августа 1774 г. саратовский комендант полк. Бошняк писал губернатору в Астрахань: «Что касаеца в донских и волских казаках, то по нынешним обстоятельствам на них надежда плоха» 78).

16 августа 1774 г. ген.-м. кн. Голицын писал из под Сызрани гр. П. И. Панину о приказе своем послать полк. Михельсона по р. Медведице, «как для прикрытия Донских станиц, так еще наиболее и для того, чтоб сим движением можно было делать примечании и на московскую сторону. Из сего настоящих дел происшествия Ваше Сиятельство изволите усмотреть, что главное злодейство яд свой распускает между рек Дона и Волги. Я, не зная точно, в каком положении при сих обстоятельствах находиться будут нравы донских казаков, имею предварительно доволныя причины об них сумневатся, по их всегдашней привязанности к прежним обычаям и суеверствам, и потому более предполагаю, что генерально на всех их положится нельзя, а надобно думать, что часть из них присоединится к злодею, разве не будут ли они от того предудержаны заключенным ныне миром»... Голицын спешно предупреждал «донских начльников» о Пугачеве, добавляя что «по восстановлении с турками покоя», на Дон спешат полки и с фронта, и из Москвы, и идет ген. Мансуров с главными преследователями Пугачева: Михельсоном, Мелином и Муфелем.... «Отправил я, — писал Голицын, — туда и Донского Войска полковника Денисьева 79), которой по долговременной его службе, будучи всегда отличным и в Прусскую войну, наконец, при всех на Дону замешательствах доказал непоколебимую свою верность, и не может ли он своим прибытием удержать в должном повиновении своих однородцов»... Свой план действий Голицын располагал так, чтобы в первую очередь «донских казаков воздержать в надлежащем повиновении» 80).

Багратион стоял в пределах Войска на р. Сале, якобы «для закрытия верховых станиц от набегов татарских». 1 августа 1774 г., получив от Воронежского губернатора известие о взятии Пугачевым Казани, он «перешед р. Дон, пошел единственно, чтоб народ (донские казаки) чего бы вредного не вздумал, маленькими переходами, с Ростовским карабинерным полком и с Малороссийскими казаками вверх по Дону» 81).

«Брегадир Брынк» писал 16 августа 1774 г. ген.-поручику Щербинину, «имевшему власть губернатора в Украинско-Слободской губернии: «Чрез союзников наших (едичкульских татар) слышу я, что донцы худыя мысли имеют, и нѣкоторой подлой народ охотно бунтовщика Пугачева ожидают» 82).

Екатерина II оказалась более дальновидной, чем ее генералы, возлагавшие все надежды на репрессии. Еще 21 июня 1774 г., когда Пугачев был на р. Каме и брал гор. Осу, она подписала указ «об оставлении начатых над Войском Донским следствий без дальнейшего производства» и об освобождении из-под стражи всех казаков (по делу о мятеже 1-го октября 1772 г. и по делу о сочувствии Степану Ефремову). 13 июля этот указ был привезен на Дон ротмистром гвардии Осиповым и 18-го июля приведен в исполнение обер-комендантом крепости св. Димитрия, ген. Потаповым 83). Эта амнистия, несомненно, сыграла свою роль в уменшении остро-оппозиционных настроений казачества на Дону.

С другой стороны, донскому войсковому начальству сообщали, а то доводило до сведения казаков, что Пугачев беглый от службы и бродяга из «самого подлого состояния», чтобы лишить его сочувствия не только старшин, но и домовного казачества. Равно, атаманам станичным было предписано ловить пугачевских агитаторов и следить за всеми приезжающими и приходящими «особливо из бродяг и носящих на себе образ нищего» 84).

10-го января последовала грамота Екатерины II Войску Донскому о сожжении дома Пугачева в Зимовейской станице: «и то место огородить надолбами или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, яко осквернение жительством на нем... Злодея, которого гнусное имя останется мерзостию навеки, а особливо для донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени»... Самому же войску императрица спешила сделать комплимент: «хоть одним таким богомерзким чудовищем ни слава Войска Донского, ни усердие оного, ни ревность к Нам и Отечеству помрачиться и ни малейшего претерпеть не могут нарекания».... 85).

Председатель Секретных Комиссий в Казани и Оренбурге П. С. Потемкин обещал донцу, который поймает Пугачева 25.000 руб. и золотую медаль «в вечную память» 86). П. С. Потемкин не очень верил донцам, и думал, что они находятся в сношениях с Пугачевым. 10 ноября 1774 года, узнавши, что в Саратове запытали до смерти пугачевского секретаря Дубровского, он писал Екатерине II, что Дубровский — автор «посыланого злодейского манифеста на Дон и сколь много должно было из него изведать» 87).

Первые всречи Пугачева с казаками на Волге, как будто, оправдывали надежды одних и опасения других. Уже в Саратове изменили Екатерине II бывшие там, Донские, Волжские и Саратовские (городовые), казаки 88). Пугачев был этому рад, так как у него был тогда чуть ли не единственный донской казак, Александр Суходольский, состоявший у него полковников 89). Помимо бывших в Сибири казаков, сдались Пугачеву 60 ч. Донцов, сопровождавших гвардии поручика Державина, известного затем поэта.

Позже выяснилось, что саратовский казачий пятидесятник Яков Уфимцев ездил даже (в 1773 г.) к Пугачеву еще под Оренбург 90).

Волжское войско, выказвшее склонность поддержать и предыдущего самозванца, проявляло уже в январе 1774 г. нежелание бороться с пугачевцами и даже с киргизами, когда те хозяйничали на самой Волге у Дубовской, Балыклейской и Караванской станиц 91). При приближении Пугачева к границам Волжского войска оно «приняло» его почти поголовно.

Со взятыми 4 августа донскими казаками Пугачев счел долгом поговорить лично и, хотя они были довольны жалованьем Екатерины II, сказал им: «Хотя вы и довольны, но этого мало и на седло, а не

78) «Пугачевщина», т. II, с. 193.

79) Это был тот Илья Денисов, у которого служил ординарцем Пугачев и который за упущенную лошадь наказал его в Пруссии плетьми.

80) «Пугачевщина», II, с. 234-235.

81) Грот. «Мат.», ст., 1875 г., с. 99.

82) «Пугачевщина», II, с. 237.

83) Труды Обл. В. В. Дон. Стат. Ком., т. III 1874 г. с. 47-63 (мат.). Сам же Степан Ефремов, сепаратистский войсковой атаман, был оставлен в ссылке в гор. Пернове и, когда туда попали в ссылку же выдавшие Пугачева и за то помилованные сообщиники его из яицких автономистов, то правительство было серьезно встревожено (в 1775 г.), узнавши, что яицкие заговорщики навещают ссыльного атамана. Свидания эти были тотчас же пресечены. «Осмнадц. Век», т. I, с. 445.

84) Дубровин, II, с. 242.

85) Дубровин, т. II, с. 245.

86) Фирсов, 2-е изд., с. 130.

87) Пугачевщина, т. Ш, 327.

88) Грот. «Записки Ак. Наук», прил. IУ, к т. 25, с. 17.

89) Суходольский был разбит и взят в плен у села Починки Михельсоном. Панин приказал, «расспрося Суходольского под непощадным истязанием» и «отрубя наперед ту руку коею он невинных поражал, потом в с. Починках на большой дороге повесить». Михельсон просил смячения участи, так как Суходольский под конец спас часть дворян. «Пугачевщина», т. Ш, с. 79, 284-5, 402.

90) «Пугачевщина», т. Ш, 198.

91) Дубровин, т. II, 186-187.

токмо на лошадь; послужите вы у меня и не так будете довольны и будете в золоте ходить, а у вас господа с'едают жалованье» 92). Пришлось Пугачеву также потребовать от своей жены, донской казачки Софьи Дмитриевны, не называть его — «императора» — Пугачевым: «теперь пристали ко мне наши донские казаки и хотят у меня служить: неравно между ними случатся знакомые». Обещая жене не оставить ее, когда Бог велит мне быть в Петербурге и меня там примут.... а буде не то, так не пеняй», — добавил Пугачев, — «из своих рук саблею голову срублю»... 93). Потом оказалось, что запугать жену было легко, а вот коренным донцам, присоединившимся к «императору» и узнавшим в нем своего брата-казака, на роток накинуть платок оказалось невозможно.

Приближаясь к «жилищам Войска Донского», пришлось обратиться к казакам с манифестами. 13-го августа 1774 г. «Дубровский», по приказу Пугачева, написал следующий манифест к донцам:

«Вы уже довольно обстоятельно знаете, что под скиптр и корону нашу почти уже вся Россия добропорядочным образом по прежней своей присяге склонилась. Сверх того», — политично и **не уточняя** цыфр, писал Пугачев, — «несколько Донского и Волгского войска оказывают к службе нашей, — по искоренению противников, разорителей и возмутителей Империи дворян, — ревность и усердие и получили себе свободную вольность, нашу монаршую милость и награждение древнего Святых Отцов предания крестом и молитвою, головами и бородами. Того ради, как мы есть всемилостивейший монарх и попечитель обо всех верноподданных рабах, желаем преклонить в единственное верноподданство всех и вас и видеть доказательство к службе нашей ревности и от вас». Очевидно, донцы не так быстро откликались на призыв «монарха», потому что далее приходилось взывать к ним: «Вы ж ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые, не насытясь Россиею, но и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род».

Мы видим, что и Пугачев противополагал вольные казачьи войска («природные») — России; он правильно понимал стремления части имперской бюрократии «истребить казачий род», т. е. уничтожить все то, чем вольное казачество отличалось от служилых — полковых и городовых — казаков. Что касалось обращения казаков в крестьяне («разделить в крестьянство»), то, конечно, Пугачев говорил не об отдаче казаков в крепостные российским дворянам и донским старшинам (о чем не посмели мечтать ни в ХУШ, ни в XIX веках), а о перечислении казаков в государственные крестьяне, чего казаки всегда опасались 94).

Не столько по адресу рядового казачества, сколько по адресу старшин, были направлены заключительные слова «манифеста» 13-го августа: «Мы, однако, по власти Всевышней Десницы, надеемся, что вы, признав оказанные против нашей монаршей власти и своего государя противности и зверские стремления, которые вам всегда будут в погибель и повелителям вашим, раскаетесь и придете в чувство покаяния, за что можете получить монаршее наше прощение и, сверх того, награждение тако-жь, каково получили от нас склонившиеся верноподданные рабы» 95).

92) **Дубровин**, т. Ш, с. 180. «Господами» Пугачев называл дворян и, на Дону, старшин.

93) **Дубровин**, т. Ш, 215.

94) Это было проделано Петром I по отношению к большинству служилых казаков Европ. России, и Екатерина II подтвердила эту меру. Но по отношению к Дону такие планы стали возникать лишь в XIX веке, но и то не осуществились. Но Пугачев, как казак, отлично предвидел возможность возникновения **подобных** планов.

95) **Дубровин**, т. Ш, 215-316; «Р. Арх.», 1870.

Волжскому Войску был адресован манифест с заголовком: «Антиповской станицы господину атаману Івану Платонову (со) старшинами и всей Антиповской станицы» 96). Пугачев писал:

«Объявляется во всенародное известие.

«Уповательно вся Россия небезъизвестна, которая уже болшая половина под скипетром и короною нашу добропорядочным образом склонилась и, признав нас, обстоятельно уверясь о точном нашем имении, а особливо несколко донскаго и волского войска оказывают в нашей службе ревность і усердие. Того ради и всем, господину атаману Платонову с войским, посылаем всемилостивейшей наш имянной указ с монаршим и отеческим милосердием и повелеваем по прибытии нашим с армиею учинит пристойное встретение, понеже завтра в полвину дня прибыть имеем, для чего быть готовым в нашу службу»... Затем словно бы вспомнив главное, Пугачев добавлял: «А злодеев дворян всячески старатца искоренять» 97).

Наиболее подробно изложено было обращение Пугачева к Донскому Войску в манифесте, адресованном «Березовской станицы» господину атаману и всем живущим во оной Донского войска казакам и во всенародное известие». Пугачев писал:

«Доволно уже наполнена была Россия о нашем от злодеѣв (главных сенаторов и дворян) укрытиі вероятным слухом, но и іностранные государства небезызвестны. Не от чего же иного сие воспоследовало, как во время царствования нашего разсмотрено, что от прописанных злодеѣвъ-дворянъ древняго Святых Отец предания закон христианской совсем нарушен и поруган, а вместо того от их злоевредного вымысла с немѣцких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерское братобритие и разные христианской вере как в кресте, так и протчем неистовства. И подвегнули, кроме нашей монаршей власти, всию Россию себе в подданство, с наложением великих отягощениев, и доведя еѣ до самой крайней гибели, через что, как Яицкоя, Донское и Волское войско ожидали своего крайнего раззорения и істребления. Что нами обо всем выше прописанном отечески соболезновав сожалели и намерены были от их злодейского тиранства свободить и учинить во всеі Россиі волность.

«За что нечаянно лишены мы всероссиіскаго престола и вменены злоумышленными публикованными указами в мертвое. Ныне жь по промыслу Всевышней Десницы волею Его святою вместо совсем забвения імя наше процветает. И по прежде обязанной присяге, признав и уверясь о точном нашем имяни, приняли и склонились под наш скипетр и корону живущеи Оренбурской, Казанской и Оренбурской **(так!!)** губерней с приписными городами и уездами народ, такожь Башкирская, Калмытская орды, и поселенные по реке Волге Саксоны и Волское казачье войско и оказывают ревность и усердие в службе нашей охотно без всякого от нас принуждения.

«Того ради заблагоразсудить соизволили чрез сей наш всемилостивейший указ дать знать о нашем шествиі с побѣдоносной армией как означенной Березовской станице, так і всему природному Донскому казачьему войску. Что естли оное возчювствует наше отеческое попечение и пожелает вступить (ся) за природного своего государя, которой для общаго спокойствия и тишины претерпел великия странствиі и немалые бѣдствиі, то бъ желающые оказать ревность и усердие для истребления вредителных обществу дворянъ явились бы в главную нашу армию, где и сами мы присудствуем; за что бѣз монаршей нашей милости и на первой случай не в зачет жалованья по десяти рублев награждения оставлены не будутъ. А

96) «Пугачевщина», т. I, с. 42-43.

97) Под манифестом была подпись: «Во верностъ чего за подписанием собственной нашей руки и с приложением короне сей указ дан». Платонов стал одним из самых горячих приверженцев Пугачева.

для сведения всему Донскому войску повелеваем: сей указ станица от станицы пересылать вниз по течению реки Дону, а, списывая со оного, копіі для надлѣжащаго исполнения оставлять в каждой станицѣ. Во свидетельство того мы собственною рукою подписали и государьственною нашею короною укрепить соизволили». 98).

Если волжским казакам, в лице Антиповского станичного атамана Платонова Пугачев говорил, что к нему «большая половина всей России» склонилась, то донцам давал он **точное** представление о территории, по которой в действительности прошли его войска. Помянувши о нарушении «злодеями-дворянами» старой веры, Пугачев делал главное ударение на двух основных пунктах: на «подвержении» себе дворянами всей России «в подданство» вопреки царской воле, и на грозившей войскам Яицкому, Донскому и Волжскому гибели.

Пугачевская «армия» вступила в пределы Войска Донского, усилившись не только за счет Волжского войска, но и присоединившихся к Пугачеву калмыков (волжских) и отдельных групп донцов. Три отряда двинулись по течению рек Медведицы, Иловли и Хопра. 14 августа были заняты станицы: Березовская, Малодельская и Раздорская. Вслед затем занята была и ст. Етеревская. Сам Пугачев вынужден был итти прямо на Царицын. Тут счастье, казалось, улыбнулось ему: донцы стали присоединяться к нему массами, но затем все рухнуло. Обман самозванства, лежавший в основе его предприятия, вскрылся — и все его дело рухнуло безвозвратно.

98) «Пугачевщина», т. I, с. 41-42. К сожалению, Центрархив издал акты пугачевщины, переделав болшинство слов на мануйловскую орфографию и, уничтожив заглавные буквы во многих словах: Бог и т. п.

И. Главнев.

Пора казачьим патриотам собираться в одном казачьем лагере

Походному Атаману ВК.

Не откажите в любезности поместить в журнале «ВК» нижеследующее:

Я, казак станицы Старочеркасской, ВВД, *И. С. Главнев*, старый партизан Чернецовского и Семилетовского отрядов; последняя служба — на бронепоезде «Ермак». Заграницей 3 года проработал в рядах «Лиги Возрождения Казачества», как член Ц. К., а в последнее время как член правления. Автор общеказчьего флага «ЛВК». В июле месяце 1935 г. из Парагвая, гор. Енкарнасиона, я отослал письмо и просил вычеркнуть мое имя и фамилию из состава Лиги. Поводом к этому послужили выборы Донского Атамана гр. Граббе и отступление от пути открытого сепаратизма.

Обращаясь к своим бывшим коллегам по организации, я говорю открыто и честно: Довольно! Нужно снять маску полусамостийников. Заявите во всеуслышание о том, что вы являетесь самостийниками, т. е. казаками националистами, без пресловутого примечания о возможном вхождении в состав Российской империи или открыто станьте на широкую московскую дорогу, протоптанную в прошлом атаманами Зершиковым, Яковлевым и другими. Мой совет — не садитесь одновременно на два стула — казачий и московский — как, к глубокому сожалению, сел в недавнем прошлом покойный атаман А. М. Каледин, трагический выстрел которого тяжким эхом отразился в душах казаков Войска Донского.

Одновременно я обращаюсь ко всем казакам — своим сослуживцам — тесней стать в одну мощную казачью организацию, где веет старымъ казачьим духом, где заветы наших отцов и дедов — прежде всего! Надо выше и крепче поднять общеказачий флаг ВК.

Помните, казаки: нами потеряно много. Больше терять нельзя. В надвигающихся международных событиях мы можем только казачьим духом приобрести свое — жить по казачьему присуду в своих горячо любимых Родных Краях, но одновременно не нужно скрывать от себя, что заграницей развилось много казаков, в жилах которых течет московская холопская кровь. Для них Казачество — пустой звук. Они разбрелись по российским партиям, возглавляемым г. г. Керенскими, Милюковыми, Миллерами и «крестьянским царем Кириллом I-м» и помогают им, вольно или невольно, — за прошлые наши заслуги — строить нам памятник вышиной с башню Эйфеля. С такими казаками делать нам вместе нечего. Но, в ком жив дух казачий — пригребай, братцы, к своему берегу!

Слава Казачеству!

23 марта 1936, Бразилия.

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ К... СТАЛИНУ

«Пульс эмигрантской мысли бьется сейчас около вопроса о «пораженчестве» и «оборончестве». Тема эта дебатируется среди русской эмиграции в Праге во всех политических кружках и группах.... Происходит быстрая эволюция воззрений в этом трагическом споре русской интеллигенции... Оборончество (т. е. — движение в пользу защиты СССР. — **Ред. «ВК»**) глубоко проникло в сознание эмиграции, люди ищут только политического оформления своей патриотической установке, при которой постоянный национально-государственный интерес ставится выше счетов с временной власть»... («П. Н.» 20 апреля).

Казачья эмиграция

В. К. в Польше

В НОВЫХ КОШАРАХ

1936 года 22 марта состоялось организационное казачье собрание в Старых Кощарах, на Волыни.

Председателем собрания единогласно был избран подх. **Пастушков** Иван, а скретарем — подх. **Попов** Лаврентий.

Открывая собрание, станичник Пастушков в своем вступительном слове приветствует Польское правительство и благодарит его за гостеприимство, которое оно оказывает казакам, проживающим в Польской республике. После этого, по обычаю старинному, пропели, стоя, молитву, и когда все сели, то председательствующий обратился с такими словами к собравшимся:

— «Мы, казаки, сегодня собрались обсудить наш казачий вопрос и для этого я собрал вас, чтобы об'яснить вам путь Вольного Казачества. Мне кажется, что еще многие казаки не знают о чисто казачьей организации, о казачьем пути. Мы, проживающие уже 15 лет в Польской республике, прислушиваемся ко всему, что происходит вокруг нас. И вот показался из Праги Чешской всадник на вороном коне, со знаменем Вольного Казачества и стал звать к себе, в ряды ВК. Выпустили этого всадника **И А. Билый, полк. Фролов,** ген. **Стариков** и их сподвижники. Они сказали казакам, что нечего нам смотреть на русских и слушать их басни. Давайте лучше поговорим о своем казачьем, подумаем о Казачестве. Об этом казачьи патриоты начали говорить нам с первого номера «ВК», который вышел в 1927 году. Зовут они в ряды вольных казаков, зовут стать на старинный казачий шлях. И вот, дорогие станичники, мы видим, как казаки, проживающие в Сербии, Чехии, Болгарии, во Франции и др. странах спешат в ряды ВК. И нам следует стать на истинный казачий путь. Другого пути для Казачества нет. Мы, казаки, живущие в Польской республике, добились того, что 4 декабря прошлого 1935 года польские власти утвердили для нас организационный статут. Мы вот и собрались, чтобы выслушать статут, а он касается всех казаков, какого бы Войска кто не был, Все Войска должны вступить в ряды ВК. Мы первым своим долгом в сегодняшний день выражаем глубокую благодарность польскому народу за сердечное отношение к нам. От лица всей нашей организации, от лица казачьего собрания пожелаем здравия и долголетия Пану Президенту Речи Посполитой профессору **Игнатию Мосницкому,** от казачьего сердца желаем процветания Польскому государству. Нех жие Польша!

Мы, казаки, участвовавшие в 1920 году в боях против большевиков совместно с польскими войсками под водительством маршала **Иосифа Пилсудского,** чтим память этог великого поляка, а посему прошу вас почтить его память вставанием и минутным молчанием. Прошу также почтить память, положивших живот свой за Дон, Кубань и Казачество: первого Донского Атамана ген. **Каледина,** ген. **Назарова,** войскового старшины **Волошина, Н. С. Рябовола,** священника о. **А. Кулабухова,** а также и безвременно умерших в эмиграции ген. **Старикова** и героя первого восстания донцов ген. **Фетисова.**

Братья казаки! наша борьба трудная и ответственная. А для того, чтобы мы представляли силу и мощь, нам нужно об'единение всех казачьих сил. Только об'единенное Казачество может достигнуть своей цели. А наша цель ясна и определенна — создание независимого казачьего государства Казакии. Мы, верные сыны ее, — полноправные хозяева казачьей земли. В своих вольноказачьих организациях мы должны искать моральной и материальной поддержки и каждый из нас ни на минуту не должен забывать любви к своему родному краю и казачью старину. Нужно, братья казаки, спешить к созданию своей казачьей силы, ибо в ней залог нашего будущего благополучия и во имя этого благополучия нужно принести теперь и некоторые жертвы.

Затем станичник Пастушков оглашает полученное им приветствие от Походного Атамана ВК такого содержания:

«Подхорунжему Ивану Пастушкову. Прошу передать всем вольным казакам, которые соберутся 22 марта, чтобы положить начало новой вольноказачьей организации, мой привет и наилучшие пожелания успеха в общем для всех нас деле. Помните, что успех ваш будет успехом и всего Вольного Казачества.

Вольные казаки в Польше опоздали со своей организационной работой. Сейчас надо нагонять. Надо и вам выравняться и стать в ряды ВК на свое место. Надо поскорее собирать нам всех казачьих патриотов под свои ВК знамена, чтобы быть готовыми выступить на борьбу за освобождение Казачества по первому зову наших братьев оттуда...

Но помните: в прошлом не раз уже наши враги мешали нашей работе по об'единению казачьих сил в Польше. Сейчас мы должны довести свое дело до конца. Будьте поэтому осторожны, не верьте чужим, не доверяйтесь больше тем, кого вы не знаете хорошо. Делайте все для того, чтобы в ближайшее время нам удалось создать и в Польше сильную и организованую вольноказачью семью, одну семью, одну семью казачьих патриотов! Помогай вам Бог и казачий разум. Слава Казачеству! Походный Атаман ВК И. Билый».

К открытию общего собрания получены также следующие приветствия:

«До Високоповажного пана Ивана Пастушкова, Представника «Вільного Козацтва» в Старих Кошарах.

1. Ласково прошу скласти від мене хвальним зборам — братам вільним козакам сердешне поздоровлення, та щире побажання витривати до слушної години — повороту на рідні землі, незадежну Батьківщину.

З правидвою пошаною Олександр **Калюжний,** б. сотник армії У. Н. Р.».

2. «Сердечно поздравляю вас, братья казаки, с станичным сбором. Да поможет вам Господь в вашей работе на пользу Вольного Казачества. **Георгий Слесарев».**

3. «Дорогой, я приглашенье ваше получил, что вы организуете в. к. станицу в Ковельском повете, село Новые Кошары. Пошли вам Боже счастья в делах ВК: организовать станицу, а также и меня прошу считать казаком вашей станицы. Я очень хотел бы приехать на собрание, но нет времени. Я буду у вас, а сейчас нас тут 2 казака и 2 украинца, работающих на Тартаке. Сердечно благодарим вас за извещение. Рады, что Казачество живо и есть еще казачий дух.

Пошли вам Боже счастья в работе на пользу Вольного Казачества. Филарет **Борисов»**

После заслушания приветствий приступили к повестке дня, которая была такой:

1. Перепись присутствующих лиц. 2. Общее собрание. 3. Об'яснение в. к. цели и деятельность ВК. 4. Чтение и принятие статута. 5. Прения по содержанию статута (прений не было). 6. Выборы правления и ревизионой комиссии. 7. Текущие дела.

Собрание состоялось с ведома местных властей.

Станичное правление оказалось избранным в следующем составе: Станичным атаманом подх. Иван **Пастушков,** помощником его хор. Петр **Еремин,** казначеем нестр. ст. разр. Андрей **Цувинский** и писарем подх. Лаврентий **Попов.**

В ревизионную комиссию: о. иеромонах Антоний **Судакевич,** подх. Тимофей **Михайлов** и хор. Михаил **Колесников.**

ПРАВЛЕНИЕ ПЛАТОВСКОЙ ВК СТАНИЦЫ

Слева направо: сидят: А. ЦУВИНСКИЙ — казначей, жена ст атамана ПАСТУШКОВА, ст. ат, подх. И. ПАСТУШКОВ, иеромонах о. А. СУДАКЕВИЧ — чл. рев, ком., Л. ПОПОВ — писарь ст, жена ст. писаря ПОПОВА, М. ЛАПТИВ; стоят: госпожа ЦУВИНСКАЯ, вахм, М. БОНДАРИВ, хор М. КОЛЕСНИКОВ — чле. рев. ком., хор. Петр ЕРЕМИН — помощн. ст атамана. Внизу сидит сын ст, атамана, молодой в, казак Гриша ПАСТУШКОВ.

Заместителями — Михаил **Лаптев** и Михаил **Бондарев.**

После этого приступили к выборам делегатов на первый ВК окружный С'езд в Польше. Избранными оказались подх. Иван **Пастушков** и хор. Петр **Еремин.**

Единогласно порешили именовать нашу станицу так: «Платовская вольноказачья станица в Новых Кошарах». Единогласно также было решено установить вступительный взнос в 1 злот и месячный взнос по 50 гр. в фонд станицы.

Наше подростающее поколение тоже проявляет казачий патриотизм. 12-тилетний казак В. В. Д., Григорий **Пастушков**, родившийся на чужбине, продекламировал два стихотворения — первое: «Вдали от родимого Края» и второе — «На Кубани лихо вьется».

Закрывая сбор, станичный атаман благодарит присутствующих казаков и выражает уверенность, что все казаки будут в одном лагере, казачьем лагере.

Сбор закрылся под пение Донского гимна — Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон....

И после закрытия сбора не хотелось казакам расходиться. Пошли на квартиру атамана, где только и было разговора о наших казачьих делах. Следует отметить, что атаман в эмиграции тяжелым трудом нажил себе хату, стены которой украшены портретом Походного Атамана ВК и гербом Казакии, собственноручной работы станичного атамана.

На собрании присутствовали: станичный атаман подх. Ив. **Пастушков,** его помощник хор. Петр **Еремин,** казначей нестр. ст. разр. Андрей **Цувинский,** писарь Лаврентий **Попов.** Члены ревизионной комиссии: о. иеромонах Антоний **Судакевич**, подх. Тимофей **Михайлов**, хор. Михаил **Колесников.** Их заместители: Михаил **Лаптев** и Михаил **Бондарев.**

Члены станицы: полковник **Моносков** Алексей Евграфович (ст. Гундоровской ВВК), сот. **Куканов** Степан Тимофеевич (ст. Семикаракорской ВВД), подх. **Куликов** Лазарь Иванович (ст. Усть-Хоперской ВВД), подх. **Февралев** Ф. И. (ст. Милютинской ВВД), подх. **Палкин** Леонтий Кузьмич (ст. Каменской ВВД), Ст. ур. **Попов** Григорий Васильевич (стан. Митяткинской ВВД), ст. ур. **Морозов** Михаил (ст. Усть-Хоперской ВВД), мл. ур. **Найденов** Андрей (Уральского войска), вах. **Галдин** Михаил Силич (ст. Кундрюческой ВВД), ст. ур. **Мирчинков** Михаил (ст. Великокняжеской ВВД), ст. ур. **Киров** Алексей (ст. Калитвенской ВВД), агроном **Шевченко** Алексей Иванович (ст. Морозовской ВВД), вахм. **Пономарев** Захарий Петрович (ст. Алексеевской), вахм. **Кирпичев** Андрей (ст. Филоновской ВВД), подх. **Мойсенков** Михаил Васильевич (украинец), вахм. **Середин**, А. В. (ВВД) и прап. **Хайз,** С. (укр.).

В ЛУЦКЕ

Луцкая ВК станица в Польше на станичном сборе своем 5-го сего апреля произвела перевыборы станичного атамана и помощника. Избранными были: ст. атаманом — войсковой старшина **Н. Чебурашкин** (ВВД), а помощником его — сотник **С. Рябцев** (ВВД).

В. К. во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Зачисляю в списки округа ВК — казаков ВВД — **М. Бканинова** и **М. Брсева** и казака ККВ — **И. Швеца** с первого апреля с. г.

2. Предлагаю Лотарингской об'единенной в. к. станице именоваться впредь — «Лотарингская об'единенная В. К. саница имени Евграфа Грузинова» — по имени донца самостийника, исполина казачьего духа, бесстрашно испустившего свой вздох под ударами кнута московского палача 5-го сентября 1800 года.

3. Обращаю внимание веех в. к. организаций на то, что ни один из вновь принимаемых в состав в. к. организации членов не имеет права быть избранным в состав правления или ревизионистской комиссии ранее шестимесячного срока пребывания в составе дей-

твительных членов в. к. организации, о чем было мною своевременно уже об'явлено.

4. Обращаюсь с горячим призывом ко всем в. к. организациям — прошу сложиться по копейке и оказать срочную помощь окружному писарю есаулу **И. А. Кувикову,** очутившемуся в очень тяжелом положении. Внезапная забастовка на заводе, приведшая к оставлению работы несколькими тысячами рабочих, не дает возможности И. А. Кувикову зарабатывать свой кусок хлеба продажей горячей пищи у завода, как это он делал раньше.

Помощь направлять по адресу: **Mr. Kouvikoff,** 3, Chemin Bron, 3. Venissieux (Rhône).

Окружной атаман **А. Ленивов.**

В ПАРИЖЕ

18-го сего апреля на открытом собрании Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы Походный Атаман ВК И. А. Билый успел прочитать только первую половину своего доклада на тему:

Что делается сейчас в казачьих краях. — Новая тактика Сталина в казачьем вопросе — Очередной обман Казачества? — Где же выход?

Окончание доклада состоится в мае месяце. О месте и времени будет об'явлено своевременно.

В БЕЛЬФОРЕ

Согласно постановления общего сбора от 16-II с. г. хуторское правление устроило обще-казачье собеседование в Сошо, на котором присутствовали и украинцы.

Собеседование было устроено в помещении грузинского об'единения в Сошо, которое охотно было предоставлено казакам их председателем.

На собеседовании присутствовало 30 человек, из коих 12 человек было членов хутора.

С докладом выступил хуторской атаман **И. А. Тищенко.**

Дабы дать казакам общее представление о борьбе Казачества за свое существование, докладчик подобрал материал в таком порядке, чтобы вкратце, но всесторонне осветить казачий вопрос.

Исторические справки были взяты из разных книг и журналов. В своем докладе И. А. Тищенко коснулся следующих вопросов:

Белое движение и роль казаков в нем: вмешательство главного командования в дела Кубанского Войска и его влияние на кубанскую старшину; убийство Рябовола; повешение Кулабухова; роль ген. Науменко в повешении Кулабухова; измена Войскового Атамана Филимонова; роль Войскового Атамана в эмиграции; задачи ВК. Работа русского правительства по уничтожению Казачества и работа русских за рубежом в этом же направлении; русский зарубежный с'езд, на котором казачьего вопроса не существовало; времена Петра и Екатерины; расправа с казаками и т. д. Казакия, ее состав и территория; отношения с соседями.

Закончил свою речь И. А. призывом к об'единению вокруг ВК. За свой доклад он был награжден аплодисментами.

Украинец **Кравченко,** отвечая докладчику, вкратце описал положение украинского народа в составе Российской Империи и указал, что положение украинцев было еще тяжелее, чем казаков. Никакими привилегиями украинский народ не пользовался и если Украина останется в таком положении и дальше, значит украинский народ будет только рабом Москвы... И. А. Билый бросил идею казачьему народу, и казаки неуклонно должны стремиться к ее осуществлению. Идея эта не умрет, ибо это есть жизнь, а жизнь есть борьба, и мы, украинцы, так же должны бороться за свою идею, хотя бы и пришлось отдать жизнь. Все казаки должны войти в ряды ВК и бороться за свою идею, ибо никакие обещания со стороны русских выполнены не будут. После падения царской власти Украине много было дано обещаний, вплоть до украинского языка; народ поверил и вот теперь страдает, как на родине, так и в изгнании. Общая идея сближает нас с казаками и надо стремиться к более тесному об'единению.

Короткая, но заслуживающая внимания речь украинца Кравченко вполне совпала с мыслями казаков и украинцев и были покрыта дружными аплодисментами.

Вдруг схватывается с места один терский казак и выкрикивает: — Смотрите, как бы вы не вылетели из гитлеровской пушки!...

И. А. Тищенко просит его раз'яснить, что он этим хочет сказать, но он не мог ничего сказать. В конце концов общими силами удалось выяснить, что яко бы самостийники, по его мнению, отдаютс себя в распоряжение Гитлера, лишь бы освободить свои Края.

На это ему ответили, что если самостийники борятся против рабства Москвы для того, чтобы не попасть ни в какое ярмо. Самостийники не ищут себе барина, который бы ими командовал, а лишь союзников. Кто будет их союзником, покажет будущее.

Х. С. Высоцкий, как член Рады, говорит об отношении Краевой Рады к событиям на Кубани в 1919 году и о несогласиях Казачьих Войск между собою, что и погубило казаков. Наученные горьким опытом, казаки в будущем не должны делать таких ошибок. А чтобы мы не были застигнуты врасплох, то теперь же должны об'единиться вокруг ВК и общими силами бороться за освобождение родных Краев.

При обмене мнений говорили так же, и о том, почему так трудно бороться украинцам и казакам за свою самостоятельность.

Россия производила (если так можно выразиться) свою интеллигенцию, которую рассылала по всем уголкам своих владений. К числу таковы уголков относятся Украина и Казачьи Земли. Чиновники, учителя, священники и т. д., попадая на Украину и к Казакам, воспитывали детей в чисто русском духе целыми столетиями и, конечно, все это вошло в кровь и не так легко теперь от этого отделаться. Но мы упорно идем вперед и все больше стали отдавать казаки и вообще народы, стремящиеся к независимости, себе отчет в том, кто они есть и чего должны добиваться. Когда все поймут эту истину, тогда легко будет и бороться.

В этом направлениии особенно помог журнал «ВК». Движение ВК не есть выдумка И. А. Билого, а задушенная Москвой идея, которую он только воскрешает. В этом его большая заслуга и возрожденное Казачество отдаст ему за это должное.

По окончании доклада, когда присутствующие обменивались мнениями, И. А. Тищенко вызвали из помещения.

Возвратившись, он доложил собранию, что его вызывал комиссар полиции, пришедший, надо думать, по доносу, так как комиссар спросил председателя грузинского об'единения.

— Кому вы разрешили у себя собраться?

Тот ответил, что казакам националистам.

— Но ведь здесь собрались коммунисты, — говорит комиссар.

Председатель грузинского об'единения пояснил комиссару, что никаких коммунистов у них нет, и он никогда не разрешил бы собраться у них коммунистам.

— А кто к ним приехал из Парижа? — продолжал свой допрос комиссар.

Получив ответ, что из Парижа никто не приехал, он тогда вызвал И. А. Тищенко, которому повторил тот же вопрос и получил тот же ответ. Он пред'явил комиссару свои документы и сертификат о регистрации организации и пояснил комиссару, что казаки, живущие в этом районе, собрались поговорить о своих делах.

Комиссар поинтересовался, о чем здесь говорят казаки, и, получив раз'яснения, удалился. На этом дело и кончилось.

Этот инцидент произвел известное впечатление.

Сейчас же почувствовалось, что спайка есть и такие случаи не раз'единяют людей, а наоборот, крепче их об'единяют, а по адресу провокаторов вызывают злобу...

По окончании собрания выяснилось, почему так мало было казаков. Оказывается, что еще до собрания некоторые казаки слышали, что не следует, итти на собрание, так как могут арестовать и, конечно, стали по секрету друг другу передавать об этом. Другим кто-то говорил, что собрание назначено не утром, а после обеда и когда знающие о послеобеденном собрании встречались с казаками, присутствовавшими на собрании утром, тут только выяснилось, что все это подстроено кем то нарочно.

После собрания ходили самые разнообразные слухи. Одни говорили, что всех переписали, другие — что устроителей арестовали...

Дай Бог, чтобы такие случаи послужили уроком казакам, болтающимся по чужим лагерям.

Слава Казачеству!

Ф. Жуков.

В КРЕЗО

... Казачество бессмертно. Я верю, и этой верой в светлое будущее Казачества, в его самостоятельность, в его силу духа и национальное возрождение — живу. Бессмертен и тот, кто первый поднял «сполох» среди спящей казачьей эмиграции, кто пробудил полусонные, бродившие по темным, как и сама русская эмиграция, дорожкам казачьи тени. Пробудил и вывел на казачий шлях и еще поведет туда, где нас ждут, где мы нужны, где мы обязаны быть. Туда, где могилы славных предков, туда, где молчанием седых курганов об'ята степь, там.... Казакия! Там наша родина, там полусгнившие кресты родных могил, там покривившиеся старые курени, и на «левадах дым кизечный» — там.... Казакия!

Он поведет, а за ним окружные атаманы... Много сил, здоровья и энергии понадобилось им, чтобы создать то, свидетелями чему мы являемся теперь. Из отдельных единиц создали — хутора, станицы, округа. Вольно-казачье движение растет, крепнет и готовится к предстоящей борьбе, к борьбе за Волю и честь Казачьи, за честь, которая была осквернена и поругана московскими сатрапами. Эти неутомимые борцы творят великое дело. Они достойны великой награды, и Казачество этого не забудет. Но мы, вольные казаки, в настоящее время должны стать, как один — «стремя к стремени поближе», — и крикнуть:

Мы готовы! Умрем или победим!...

Пишу это под свежим впечатлением, оставшимся у меня от приезда к нам в Крезо, окружного атамана в. к. во Франции А. К. Ленивова.

28 марта с. г. приехал вечером, а утром, 29 марта уехал. Мало побыл, но много оставил в сердцах казачьих. Сделал доклад — Вольно-казачье движение. Нарисовал события переживаемого момента. Призывал вольных казаков быть каждую минуту готовыми. Ответил на все интересующие вопросы, говорил, говорил без конца. Да и есть о чем поговорить, а еще больше предстоит сделать...

О том, были ли довольны вольные казаки, писать не буду, думаю, без слов понятно.

На вопрос, заданный вольными казаками: г. окружный атаман, вы наверное устали? Много работаете? — «Нет времени уставать, нет времени отдыхать, нужно работать, отдохнем потом», был ответ. «Есть человек, который работает больше меня, больше нас всех и на усталость не жалуется. Какое же мы имеем право жаловаться!...».

Вольные казаки поняли, что речь идет о Походном Атамане. Встали все, как один: Слава ему! Слава Походному Атаману!...

Просидели всю ночь, слушая доклад, разошлись, чтобы через два часа снова собраться проводить окружного атамана.

Проводив, собралась в. к. Калединская станица и на своем сборе постановила:

«Носителю казачьей чести, неутомимому борцу за Казачью Волю и Долю, энергичному блюстителю и защитнику казачьих интересов, Походному Атаману ВК, шлем наилучшие пожелания успеха в исторической миссии, которую он принял на себя. Мы, вольные казаки Калединской в. к. станицы в г. Крезо, говорим громко, честно, по-казачьи: **МЫ ГОТОВЫ!**

Г. Окружному атаману в. к. во Франции А. К. Ленивову наш земной поклон. Дай ему Бог здоровья для дальнейшего служения на пользу ВК.

Походному Атаману, окружным атаманам и всем вольным казакам — Слава!

Слава Казачеству! Долой оккупантов! Да здравствует борьба!

Атаман в. к. Калединской станицы **М. Белов,** помощник **М Горелов,** писарь и казначей **П. Воробьев.**

Правление Парижской в.к. им. А. И. Кулабухова с-цы.

В ПАРИЖЕ

16 февраля с. г. Парижская в.к. имени А. И. Кулабухова станица произвела очередные перевыборы.

Избранными оказались: атаманом станицы **П. А. Калита,** его помощниками — **Д. П. Линник** и **П. Зуб,** казначеем — **В. П. Миргородский** и писарем — **Г. Захаров.**

В ревизионную комиссию: **С. Н. Федсеев, М. М. Колесов** и **Е. М. Якименко.**

Вместо уехавшего в провинцию ст. писаря П. Захарова — на собрании 22 марта избран **В. Бросев** (донец).

В. К. в Югославии

В СМЕДЕРЕВО.

9 февраля с. г. Смедеревскую станицу посетил Окружной Атаман Н. Ф. Букин. В 10 ч. у. состоялся сбор, на котором был сделан доклад на тему: «Политическая ситуация на Востоке и Запад. Европе. Советы и их политика. «Отступления» Сталина от принципов коммунистического учения. Положение в Казачьих Землях. Задача Казачьей Организации».

..... «Генеральная линия программы московских коммунистов после долгих лет упорной работы по-

терпело фиаско: Все методы и все способы к достижению мировой революции оказались слабыми, иными словами — мировая революция запоздала, принцип самоопределения народов оказался сильнее Энгельсов, Марксов и их последователей. На пути международного сотрудничества Советы, несмотря на всю их хитрость в достижении основной цели, дипломатически отведены чуть в сторону.

Все же, чтобы не быть оторванными от мира, Советы начали подражать другим государствам. Заговорили о национализме русском, который должен играть главенствующую роль в укреплении СССР; — слова «родина, наше отечество, святой долг гражданина» и прочее такое — не редкость уже на коммунистических митингах и в прессе. Плюс, ко всему этому, «вершители» судеб человеч. за прекрасно учитывают и боязнь народов от возможности вспышки новой мировой войны и потому всюду говорят и стараются проводить попытку «миролюбия».

Это, надо полагать, есть последние способы проникнуть в толщу народов государств, которые еще не восприняли идею плетворного III интернационала. Под видом «миролюбия», проснувшегося в рядах русских коммунистов «национализма» и прочих империалистических мотивов, советская дипломатия готовит почву для взрыва внутри чужих государств, расчитывая в конечном результате на успех в достижении мировой революции. Надо полагать, что делая таким образом нехотя известные уступки, рост национального самосознания народов под советской властью окрепнет и коммунизм со всеми своими благами и благодетелями будет задушен на месте.

Русская эмиграция, казалось бы, должна была взять на себя роль совершенно иную, чем та, которую она сейчас проводит, радуясь дипломатическим и прочим «успехам» московских коммунистов. Жертвы, тысячные жертвы, павших в 1917-1920 г.г. (жертвы русских), повидимому были напрасными. Их в кровавую борьбу втянула кучка генералов, которые, как мы знаем, влезли потом силою в наше дело казачьей государственности... Отношение большинства русской эмиграции к «успехам» Кремля, как раз и говорит о том, что долгие годы пребывания в эмиграции русский «авось» и наивность выросли еще больше, чем они были раньше, это во-первых, и, во-вторых, что участники «белого» движения никакой национальной идеи не имели...

Большое несчастье и великая драма нас, казаков в том, что мы, в период борьбы за самостоятельность, связали себя с этими беглыми барами...

Имея ввиду настоящее положение Советов и невольное признание к ним симпатий со стороны эмиграции, мы, казаки, должны совершенно оттойти в сторону, сплотиться в один казачий фронт и зорко следить за всем происходящим, все предавать строгому анализу и готовиться к тому неизбежному и счастливому дню, когда наши силы потребуются на защиту Казачества и всего Казачьего.

С русской эмиграцией, с любой из их партией, ни раньше не было по пути, ни, тем более, теперь. «Белые» и «красные» договорятся, а в каком положении очутятся те, кто себя связал узами чуждых и гибельных Казачеству политических интересов. Будем делать все для того, чтобы вытянуть наших братьев - казаков, затянутых тиною русского политического болота, и протереть им глаза. Казачество должно со славою и национальной гордостью продолжать свое историческое существование. Для этого от нас требуется консолидация наших сил и фанатическая преданность казачье - национальному делу...

Так закончил О. А. свой доклад. после чего был правлением приглашен на обед. В 5 ч. в. станица в большом количестве казаков проводила его до поезда.

---

23 февраля в 9 ч. у. в помещении станичного правления Окр. Атаман сделал доклад на тему: «Права и обязанности казачьих Войсковых Атаманов по конституциям».

(Соб кор.).

В КРАЛЬЕВО.

По инициативе вольно-казачьей станицы имени Кошевого Атамана Петра Кальнишевского 22 марта с. г. в 2 ч. дня состоялся сбор казаков г. Кральево и его окрестностей.

Станичный Атаман **Е. К. Кривец** сделал сбору доклад, в котором в порядке последовательности главных этапов было нарисовано положение казаков с момента оккупации до сего момента.

После его доклада, сам же, лично, предложил кому-угодно прочитать перед сбором статью из журнала: «Борьба там за казачье, пушечное мясо».

На предложение вызвался один донец, именующий себя «легитимистом», — Василий **Захаров.** Читая и разбирая попутно, станичник Захаров подчеркивал беспристрастность и подробность материала, интересного для всех казаков.

В своих комментариях станичник Захаров незаметно увлекся и весь его «легитимизм» разсеялся, именно, как туман: перед сбором стоял... самостийник!

Сбор одобрил политику В. К. Казаки подчеркнули, что работа в казачьей эмиграции видна только в рядах самостийников.

Дальше состоялся подробный разбор других политических партий, — партий, конечно, русских. Коснулись этого исключительно для того, чтобы, разобрав, видеть: каково-бы было положение казаков, если-бы они все разбились по русским политическим партиям.

Добродушно посмеялись казаки, когда прочитали в «Кав. Каз.» о том, что станица Кубанская во главе с атаманом Кишкой, зачислили русского полковника в свою станицу почетным казаком, а... Куб. Атаман г. Науменко... утвердил.

(Соб. кор.).

В БОРЕ.

15 марта с. г. состоялся станичный сбор с отчетом за истекший год.

При перевыборах станичной администрации, тайным голосованием, избранными оказались: станичным атаманом **Н. Кныш,** помощником атамана **М. Размета,** писарем **С. Бовдурец** и казначеем **М. Лук'яненко.**

В ревизионную комиссию: председатель: **П. Ярошевский,** члены комиссии: **И. Назаренко** и **А. Гальченко.**

Доверенными: **Г. Семибратов, С. Ищенко, Т. Криштопа, Е. Гаврик** и **М. Мяч.**

---

21 марта в Борскую вк. имени Н. С. Рябовола станицу приехал Окружной Атаман **Н. Ф. Букин.**

В 4 ч. дня состоялся частичный первый станичный сбор, а после 6-ти часов в. — второй. Сбор пришлось разделить на две части потому, что казаки работают на руднике в разное время.

Окружной Атаман сделал доклад, в котором обрисовал мировую политическую ситуацию, положение в советской России, настроение тамошнего населения, остановив главное внимание на Казачьих Землях.

«... В настоящее время, как свидетельствуют официальные печатные органы, все готовятся к войне. Думают о ней со страхом и потому делают попытки предотвратить угрожающую миру опасность. Стараясь предотвратить, все же к войне готовятся все, потому что никто не верит в то, что рано или поздно не разразится новая гроза. В эту подготовку, вероятно, входит и предварительно разрешаемая задача — как в надвигающейся грозе сохранить свои силы, как избежать больших потерь, как защитить интересы своего государства.

Задача эта не проходит и мимо нас и, я-бы сказал, что она нисколько не меньше касается нас, — наоборот: мы, казаки, должны быть заинтересованы настоящим положением в мире больше всех.

Как изменились к нам отношения там и почему, что ожидает Казачество в ближайшее время и что мы должны сделать для того, чтобы выйти победителями, вполне понятно и справедливо говорит статья в нашем журнале «Борьба там за казачье «пушечное мясо».

Далее Окр. Атаман читает эту статью, останавливаясь местами для комментарий выдержек из советских газет.

— Для того, говорит Окр. Атаман, чтобы в грядущих событиях нам избежать больших потерь, надо стремиться к тому, чтобы как можно скорее у нас не было никаких партий, кроме единственно для нас приемлемой и собственной — **казачье национальной.** Пребывания казаков в других партиях, русских, есть простое недоразумение, которое рассеется сразу при беспристрастном и необходимом изучении своего собственного вопроса. Надо только тем казакам, которые с непонятным предубеждением относятся к программе самостийников — собственно говоря, — к своей программе, казачьей, взяться и спокойно рассмотреть путь самостийников и любой путь русских партий, в которые нас стремятся затянуть, — чтобы раз и навсегда убедиться: какой путь ведет к собиранию казачьих сил и их спасению и какой путь ведет к разделению казачьих сил и их, в конце концов, уничтожению.

Собиранием казачьих сил занято только Вольное Казачество, а потому в это время, когда требуется единый казачий фронт, мы, вольные казаки, проявим максимум активности по собиранию казаков под ВК знамя. К вам, братья - казаки, обращаюсь: начинайте спешно применять ваши знания, почерпнутые из нашей национальной культурно - политической литературы. Отыскивайте ваших сотенцов, однополчан и т. д. — чьи знаете адреса и заводите связь с ними, зовите в ряды ВК, рисуя им при этом — сколь ответственное время для нас наступило. Бог в помощь. Слава Казачеству.

После доклада казаки долго оставались с Окр. Ат. в собеседовании, а в 6 ч. у., на следующий день, он выехал из Бора.

(Соб. кор.).

ПРИЗЫВ К ЕДИНЕНИЮ

Уважаемый станичник Редактор!

Прошу Вас, не отказать в моей просьбе и поместить в нашем вольно-казачьем журнале мое слово к станичникам, не ставшим еще в ряды ВК.

Братья казаки! Неужели вам до сих пор не понятно, что спасение Казачества только в об'единении в одну крепкую силу? Об'единению Казачества может помочь только вступление всех в вольно-казачьи ряды и защита своих прав от всяких врагов. Многим из вас пришлось испытать на своей спине и видеть своими глазами деятельность казачьих врагов, которые издевались и издеваются над Казачеством при помощи наших же Иуд. В недавнем прошлом много русских — и вождей и рядовых — использовали казаков, скрываясь за их спинами и борясь исподволь с казачьим возрождавшимся национализмом. Пытаются из всех сил использовать нас и теперь, зазывая в свои партии, где казачьим интересам места не отводят, а если и говорят о Казачестве, то только в целях опять-таки использования нас в роли пушечного мяса. Вспомните, как в родных наших станицах во время 17 года, в начале революции, пришлые русские говорили в глаза казакам: «обождите, сейчас придут наши, и мы вам покажем!»

Кто же были «наши»? Да русские, их кровные братья. Сами русские тоже всегда отделяли нас от себя, говоря: «ты казак, а не русский». Стоит ли об этом говорить много, когда вы все это прекрасно знаете. Надо только обдумать все, обсудить всесторонне, чтобы раз и навсегда, бесповоротно и безошибочно, найти свое место.

Вспомните войну 1914 г. Ее конец: русские солдаты бросили фронт: «войну долой», — кричали они.

Уйдя с фронта и вернувшись в Россию, они дружно подняли оружие против Казачества. Тяжелая была война с политикой русских генералов и казачьей старшины. В результате, — снова застонало Казачество под русским гнетом: отбирают хлеб, угоняют скот, а самих казаков ссылают в Соловки и расстреливают...

Красные русские бросили свою землю и пошли завоевывать казачью землю, а русские белые стремились на казачьих костях построить свое политическое благополучие и завоевать свои помещичьи права. Словом, на Казачество, насели почти одинаково — как русские белые, так и русские красные.

Чтобы спасти Казачество, а об этом мы все думаем, мы должны все об'единиться под вольно-казачьим знаменем и работать для казачьего будущего, а не думать о русском прошлом. Пусть они сами думают и о своем прошлом, и о своем будущем. За наши услуги русскому государству мы заплатили морем крови наших бретьев и отцов. Ждет нас то же самое и в будущем, если не станем умнее. Пока не позно, собирайте силы казачьи для борьбы за самих себя. Не лезьте к русским, ведь, они не пойдут спасать вас.

Давайте же, братья, сомкнем тесно свои ряды и прокричим все, как один:

Наш девиз — Казачья Воля!
Казакия — наша цель!

Только в этом девизе и есть наше спасение, наша сила и казачья гордость.

Все свои силы давайте принесем на восстановление казачьего независимого государства. Все должны стать тесно друг к другу и во всем помогать нашему избранному нами Походному Атаману.

Слава ему! Слава Казачьему Народу на его пути национального возрождения!

С. Д. Мальтыз.

В. К. в Германии

В ЦЕРБСТЕ

Небольшой городок, 24000 жителей, много зелени, еще больше памятников старины глубокой. Еще сохранилась стена, когда то опоясывавшая старинный город, с его узкими уличками, башнями и невысокими домиками....

Несколько пассажиров высаживается на станции. Подхожу к одному, по виду рабочему, с партийным значком на груди.

— Простите, как мне найти ....кую улицу?

— Вы в первый раз в Цербсте? Вероятно, вы казак?

— А разве это заметно по мне?

— По акценту слышно. Идем, нам с вами по пути!

Идем мимо парка. Мой спутник на одну секунду останавливается и говорит ломанным русским языком:

— И подумаешь, какая игра судьбы! Вот живут у нас, в Цербсте, казаки и вот вы приехали. А ведь этот город является родиной одного из злейших ваших врагов.

Видя мое удивление, он продолжает:

— Ну, да это дело давно минувшее. Ведь Цербст — родина Екатерины II-й.

Нужно отдать справедливость немецкой культуре и воспитанию. Ведь это рабочий, столкнувшись с казаком, напомнил ему о таком интересном историческом факте...

Вечером, в день приезда, беседа с атаманом в. к. хутора имени Разина **Г. В. Мордовиным.** Молодой еще человек, но «крепкий» казак, пользующийся здесь большим уважением. Засыпает меня вопросами о нашей казачьей жизни, о задачах настоящего момента, о видах и предположениях на будущее. Горят раскаленные углями глаза, так и кажется — вот-вот готов броситься на врага-супостата...

P. S. На кладбище в Цербсте стоит памятник над братской могилой казаков - военнопленных. Ежегодно, в день поминовения усопших, немцы — бывшие комбатанты — устраивают у памятника панихиду, на которой, в качестве непременного члена, присутствует атаман в. к хутора имени С. Разина, сотник Г. В. Мордовин (первый слева).

Г. К.

Удовлетворив первые порывы своего любопытства, делится своими соображениями, знакомит с работами хутора. Живут дружно, ждут с нетерпением очередного номера с «Черным Всадником». События вкратце исторические этапы Казачества, их стремлерешение национальной казачьей проблемы.

— Нашим движением здесь очень интересуются. Вы должны будете зайти завтра со мной ко одному видному немцу. Узнав о вашем приезде, он просил меня познакомить его с вами...

На другой день, перед сбором, мы посетили этого нашего друга. Пришлось самым подробным образом ознакомить его с нашей идеологией, изложить вкратце исторические этапы Казачества, их стремление к самостоятельности, правовое положение в эмиграции, как и где устроились. Самый большой интерес возбудил вопрос о наших «экономических возможностях»...

Тем временем из окрестностей Цербста и даже из Магдебурга прибыли наши хуторяне. Среди них есть и украинцы. Для них нужно было специально затронуть украинские темы. Оторванные годами от своих культурных и политических центров — и казаки и украинцы — с огромным интересом выслушивали ответы на задаваемые вопросы. И по настроению видно, как необходимо возможно чаще посещать свои организации, как дорог им всякий приезд кого либо из центра. К сожалению, внезапность моего приезда и рабочая страда не дала возможности всем хуторянам собраться. Но прибывшие взяли на себя сообщить отсутствующим о всем том, о чем им довелось узнать.

При прощании и казаки, и украинцы просили меня, через наш журнал передать братский привет всем вольным казакам, рассеянным по всему миру, а Походному Атаману — пожелание сил и здоровья довести казачье дело до конца.

Г. А. Козловский.

В. К. в Болгарии

НЕ ПОРА-ЛИ?

Братья-казаки! Время уже пришло нам, казакам всех Войск, об'единиться и присоединить свои усилия к работе тех, кто борется за казачье национальное дело, за создание своего государства Казакии.

Пора перестать казакам блуждать по чужим партиям.

Что нам дадут русские единонеделимцы? Разве вы не видите, что красные и белые — они все одинаковы. Сегодня врознь, а **завтра будут вместе** А мы, казаченьки, поберегись, тогда....

Ветхозаветный Авраам принес в жертву Богу единородного своего сына, а Русь — красная и белая — приносит в жертву чужих сынов, отцов, старых и малых казаков, — лишь бы ей было хорошо.

Я лишь кратко упомяну моих братьев родных и племянников: не меньше тридцати человек принесено их там в жертву, да моих детей и жену — десять душ. Моих детей как будто бы еще рановато было, ибо самому страшему сыну было 14 лет в 1918 году.... А сколько ваших родственников и знакомых принесено в жертву?

А ну-ка, давайте подумаем хорошенько: хорошо ли поступают и поступали, да еще и будут поступать русские богоносцы? Нам ли собираться с ними строить единую неделимую или здесь строить в своей среде оппозиции из-за власти и других пустяков?

Братья-казаки, не пора-ли всем нам сходиться на Казачий Шлях?

Григорий Николенко. (София).

ПАМЯТИ ДЕДУШКИ

5 апреля с. г. в. к. хутор Ермаков отслужил панихиду на могиле **Я. Е. Уклеина** в 40-й день его кончины. Несмотря на то, что место его упокоения находится в 10-ти километрах от хутора, большинство членов хутора, свободных от работы, еще с утра потянулись к г. В.-Тырново, где их ожидали тамошние казаки, приглашенные на панихиду. Все отправились на кладбище для того, чтобы украсить могилу цветами. Заранее поставлен крест-памятник. Оправленная могила была обсажена цветами. В 4 часа дня прибыли три священника, друзья покойного, и совершили службу. Не одна горячая слеза скатилась на могилу покойного при пении «Вечная память».

На панихиде присутствовало свыше 30 человек казаков и казачек.

По окончании панихиды, все казаки, по приглашению В.-Тырновцев, отправились в один из ресторанов, чтобы провести несколько часов в беседе. Заняли места за столом, на открытом воздухе.

Станичник **Н. Ковалев** берет слово и говорит, обращаясь к казакам из Търново:

«Дорогие станичники и станичницы, сегодняшний день — день как бы невольной встречи. Мы, казаки хут. Ермакова, пришли сюда не как гости для того, чтобы за стаканом вина разделить минуты веселья, забыть горькую действительность, а для того, чтобы отдать последнюю дань нашему дорогому дедушке. От всей казачьей души благодарю вас за то, что вы откликнулись на наше приглашение и разделили нашу печаль. Может быть нам будет брошено осуждение за то, что после печали, после искренних слез, польется казачья песня. Но нет. Осудят нас те, кто не знает казачьей души, той души, которая и горе, и ра-

дость выливает в песнях. Мне давно хотелось побывать у вас, познакомиться с вами поближе.

Что же влечет казака в казачью среду?

Мне не редко приходилось сталкиваться с русской общественностью, с русской бывшей аристократией, где я, быть может, был до известной степени уважаем. Но там не находит покоя казачья душа. Именно здесь отдыхает она, здесь в родной среде, где нет натянутости, нет высокопарных выражений, не слышно упреков... Глубоко верю в то, что наша общая нужда, общие казачьи интересы еще больше сроднят нас и мы все выйдем на чисто казачий шлях, на шлях Вольного Казачества. Я поднимаю бокал и пью за древнее Казачество. Слава Казачеству!

Громкое: Слава Ему! раздается в ответ.

После этого берт слово ст. **Н. Пискунов**, атаман хутора Ермакова:

Станичники, говорит он, благодарю вас за вашу отзывчивость. Наш дедушка в свои 79 лет, обездоленный, часто с сумой, нередко вызывал чувство злобы у некоторых своей строгостью. Для нас он был отец, за свою жизнь переживший и царей. Видел он многих атаманов, и сам был атаманом в станице. Посещали его и высокопоставленные лица, приезжавшие поохотиться на вольной Кубани. И вот здесь из его уст можно было услышать многое. Не раз, во время рассказов, скатывалась горячая слеза по его длинной бороде. Но тверд он был и горе свое скрывал. При свете тусклой ночной лампочки он с жадностью прочитывал казачью литературу и не раз с болью в сердце говроил: «Где ж наши Атаманы, водившие нас на поклонение в Москву? Почему казакам самим приходится пробивать дорогу к Родным Краям?» И тут же добавлял: «жить нужно, борьба нужна и уже теперь нужно строить ряды, а верхи найдутся»...

Не даром говорят, продлжает ст. Пискунов, что только степь бескрайная, ковыльная степь, рождает бесстрашных храбрецов. Таковым был и наш дедушка. Он до последних дней был строгим судьей и непоколебимым борцом за Казачество. Вечная ему память и слава оставшимся в живых! Слава Казачеству!

Громкое: Слава! раздается с мест.

Время быстро проходит, а казакам предстоит длинный путь. Хуторцы торопят атамана, а Тырновцы еще не хотят отпустить своих гостей. Неожиданно небо заволакивают черные тучи и первые капли дождя заставляют перейти в помещение. Тырновцы предлагают разместиться на ночлег по их квартирам, а пока что продолжить беседу, лишь бы не расставаться так скоро. Быстро принимается решение, и казаки остаются, поджидая перемены погоды, а после, хотя и среди ночи, двинуться в путь, т. к. каждого ожидает дома работа.

Все рассаживаются по местам. Встает старейший казак, член Донского Войскового Круга, **К. М. Киреев** и говорит:

«Станичники, не могу удержаться, чтобы в вашей казачьей семье не сказать несколько слов о текущих событиях. В настоящее время не только в Европе, но и по всему свету готовятся к великим событиям. Готовятся к этим событиям и наши кровные враги большевики. Там начинают заигрывать с казаками, воскрешать Казачество. Но какое Казачество? Казачество такое, которое могло бы дать живую силу для отпора внешнему врагу и защищало бы московских хамов. Не спят и бывшие русские верщители судеб здесь, вне Московии, а некоторые из них уже посылают телеграммы тов. Калинину с челобитной. Они готовы послать и «живые силы» на поддержку существующей власти. Кого они думают послать? Конечно, не самих себя и не русскую аристократию. Они все взоры устремили на казачьи силы, из которых одних донцов только 22 тысячи и 12 тысяч кубанцев. Станичники! Кого мы должны защищать? Тех, кто уничтожил все, тех, кто надругался над моей женой и дочерьми? Тех, кто забрал все, что можно было вывезти, а то, что не могли взять — предали огню и превратили цветущий казачий край в пепелище? Нет! Лучше умрем вдали от милой родины или, если нужно, то — с оружием в руках, но там, в борьбе за Край родной. Если суждено будет сложить свои головы, то не за московские хоромы, а за родную степь. Я призываю вас сплотиться вокруг казачьей программы и не поддаваться на чуждые нам русские приманки. Слава Казачеству!

Слава Казачеству! и дружные аплодисменты покрывают последние слова казака-патриота.

Время приближается к десяти часам. Погода разведрилась, показалась луна.

Станичник **Ковалев,** обращаясь ко всем, говорит: «Дорогие станичники, разрешите вас поблагодарить за ваше гостеприимство. Нам предстоит дорога и нужно двигаться. Рады были бы провести еще несколько часов с вами, но впереди путь. Приглашаю вас от имени казаков хутора на праздниках к нам, в Лесковец. Рады будем вас встретить».

Все встают, пожимают руки, дают обещание посетить и нас.

Ст. **Н. И. Одинев**, обращаясь ко всем, говорит: «Дорогие братцы, от имени казаков в Тырново я выражаю искреннюю благодарность Ермаковцам за то, что они своим присутствием подбодрили наш дух. Может быть, я не умею красиво выразиться и отблагодарить, но хочу сказать: искреннее, простое, казачье спасибо! Это уже достаточно для того, чтобы мы и впредь были хоршими друзьями. Может быть, мы не смогли встретить наших гостей богато, но лучше в бедноте, да от всего сердца. Я верю, что ваше посещение надолго останется в памяти у нас и ваша спайка должна быть примером нам и всему Казачеству.

Чуть подувает западный ветер и далеко разносит казачью песню уходящих по извилистому шоссе казаков Ермаковцев, задержавшихся в Тырнове до полуночи.

Н Ковалев.

Украинская Книжная Агентура в Париже

под руководством I. ХМЕЛЮКА

предлагает Гг. читателям «Вольного Казачества» книги по казачьему вопросу.

Условия приобретения книг: только за наличные при заказе плюс 10% стоимости заказа на перес. Заказы направлять по адресу редакции журнала

«Вольное Казачество»
10; Rue Victorien Sardou. Paris (16):
FRANCE.

	Frs.
Фирсов. Пугачевщина. Опыт социолого-психологич. характеристики. Илл.	10.—
Фомин. Стенька Разин. Историческая повесть. 1836. 65 стр.	15.—
Холмский. Сборник казачьих песен. 1910. 294 стр.	20.—
Хорошин полк. Казачьи войска. Опыт военно-статист. описания. 1881. 378 стр.	35.—
Чамберов. Город Алексеевск Амурской области. 1912. 36 стр.	10.—
Часовой. Донской сборник. Вып. I-й. Новочеркасск. 1914. 290 стр.	20.—
Черемшанский. Описание Оренбургской губ. в хозяйственном, статист., этнографич., и промышленном отношении. 1859. 472 стр...	40.—
Щебальский. Начало и характер Пугачевщины. 1865. 113 стр.	15.—
Шперк Ф. Опыт хронологич. указателя литературы об Астраханском крае с 1473 по 1887 гг. 1892. 249 стр.	30.—

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кр.	80 кр.	5 кр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)

Imp. de Navarre: 5, rue des Gobelins, Paris (XIIIe).

La Gérante : **A. Laizé**